

**Роберт Киркман
Джей Бонансинга**

Ходячие мертвецы. Падение Губернатора

Серия «Ходячие мертвецы»
Серия «Губернатор», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11976604
Ходячие мертвецы. Падение Губернатора: [роман] : АСТ; Москва; 2015
ISBN 978-5-17-092865-1

Аннотация

В идеально обустроенном для защиты от зомби городке Вудбери свои правила и законы. Благодаря им там царит спокойствие и стабильность. Но всему может прийти конец... Столкнувшись с жестокостью и насилием Губернатора, Лилли Коул пытается найти способ остановить его чудовищные деяния, когда в город прибывают новые люди – Рик, Мишонн и Глен. Им только предстоит узнать, что, возможно, ходячие – не самые опасные существа в наступившем хаосе.

Содержание

Благодарности	5
Часть 1	6
Глава первая	6
Глава вторая	14
Глава третья	23
Глава четвертая	32
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Роберт Киркман, Джей Бонансинга

Ходячие мертвецы.

Падение Губернатора

Robert Kirkman, Jay Bonansinga

The walking dead: The fall of the governor, part one

Copyright © 2013 by Robert Kirkman, LLC

© З. Мамедьяров, перевод на русский язык, 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

Шери Штерн, моей постоянной читательнице и второй матери, и Диего – за механику смерти и разрушения.

Джей Бонансинга

Всем тем, кто годами позволял мне выглядеть более талантливым, чем на самом деле: Чарли Адларду, Кори Уолкеру, Райану Оттли, Джейсону Ховарду и, само собой, мистеру Джею Бонансинге.

Роберт Киркман

Благодарности

Огромное спасибо Роберту Киркману – человеку, который никогда не перестает удивлять; Энди Коэну, который всегда задает направление моей карьере; моему редактору и доброму другу Брендано Денину; Кристине Макдональд, которая лучше всех редактирует диалоги, и Дэвиду Алперту, который служит во всем этом связующим элементом. Также громадное спасибо Кемперу Donovanу, Николь Сол, Стефани Харгэдон, Дениз Дорман, Тому Ливенсу, Джеффу Сигелу и моим мальчишкам Джоуи и Биллу Бонансинга. И наконец, но не в последнюю очередь, я признаюсь в вечной любви и благодарности женщине, которая изменила мою жизнь и помогла мне стать лучше как писателю и как человеку, – Джилл Нортон Брэйзел.

Джей Бонансинга

Часть 1

Сбор зрителей

*Пробьет последний, страшный час,
И обратится тленом торжество,
И громко возопит труба,
Востанут мертвые, живые все погибнут,
И музыка раздастся в небесах.*

Джон Драйден

Глава первая

Корчась от боли на земле, Брюс Аллан Купер резко вдохнул, моргнул и попытался восстановить дыхание. Он слышал чавкающие, дикие хрипы полдюжины кусачих, которые прорывались к нему, движимые желанием насытиться. Его внутренний голос вопил: «Беги, чертов идиот! Слабак! Чего ты ждешь?!»

Крупный афроамериканец, сложенный, как нападающий НБА, с бритой головой в форме ядра и редкой щетиной, он покатился по неровной земле, едва избежав тянувшихся к нему серых пальцев и шелкающих челюстей взрослой женщины-зомби, у которой не было половины лица.

Он преодолел метров пять или шесть, как вдруг боль кинжалом пронзила его бок, опалив огнем все ребра и вызвав парализовавшие его мучения. Он упал на спину, все еще сжимая в руках свой ржавый пожарный топор. Лезвие было покрыто кровью, человеческими волосами и черной тягучей желчью, которую выжившие называли отбросами ходячих.

Брюса оглушило, в ушах у него стоял звон, а один глаз уже заплывал из-за опухшего сломанного носа. На мужчине был потрепанный камуфляж и заляпанные грязью сапоги – форма неофициальных войск Вудбери. Над ним простиралось небо Джорджии – низкий купол из грязно-серых облаков, не по-апрельски холодных и неприветливых, – которое словно подначивало его: «Ты просто букашка, маленький Брюси, личинка на теле умирающей земли, паразит, объедающий остатки и обломки исчезающей человеческой расы».

Неожиданно небо над ним закрылось тремя жуткими лицами – темные планеты медленно вытеснили из поля зрения мужчины небеса. Каждый из ходячих тупо и бесконтрольно рычал, три пары молочно-белых глаз смотрели перед собой, не моргая. Изо рта одного из атакующих, жирного мужика в грязном больничном халате, на щеку Брюса полилась клейкая слизь.

– ЧЕРТ ПОДЕРИ-И-И!

Брюс мгновенно вышел из ступора, обнаружив в себе неожиданные запасы сил, и взмахнул топором. Острый конец взлетел вперед и вошел в мягкие ткани в районе подбородка жирного кусачего. Нижняя половина лица твари взмыла в воздух хрящеватым куском мертвой плоти и, неистово вращаясь, отлетела на двадцать футов в сторону, после чего приземлилась с чавкающим звуком.

Снова перекатившись, Брюс вскочил на ноги и развернулся на сто восемьдесят градусов – довольно грациозно для здоровяка, мучимого чудовищной болью, – после чего нанес удар по разлагающимся шейным мускулам надвигавшейся на него женщины-кусачей.

Голова ее откинулась набок, на пару мгновений повиснув на лоскутах иссохшейся ткани, а потом отвалилась и упала на землю.

Голова откатилась на несколько футов в сторону, оставляя за собой скользкий черный след, но тело еще на некоторое время осталось на ногах, жутко подергивая бесчувственными руками, протянутыми вперед по воле ужасного слепого инстинкта. Но тут что-то металлическое лязгнуло прямо возле ног этой твари, и она наконец упала.

Затем Брюс услышал самый странный звук, который только можно было услышать среди всей этой бездумной резни, – хотя травмированные уши мужчины едва воспринимали его – удары тарелок. По крайней мере таким этот звук казался сквозь звон, стоявший в ушах Брюса: он отдавался в его голове оглушительными металлическими ударами, которые доносились с близкого расстояния. Отступая с топором наготове, подгоняемый звуком, Брюс моргнул и попытался сосредоточиться на других кусачих, которые ковыляли к нему. Для одного топора их было слишком много.

Развернувшись, Брюс бросился бежать и тотчас наткнулся на другую фигуру, возникшую у него на пути.

«Эй!»

Другая фигура – толстошейный белый мужчина крепкого сложения с волосами песочного цвета, подстриженными старомодным ежиком, – испустила боевой клич и обрушила на Брюса дубинку размером с лошадиную ногу. Шипы дубинки пролетели в нескольких сантиметрах от лица Брюса и от его сломанного носа. Брюс инстинктивно отступил и не удержался на ногах.

Он неуклюже упал на землю, подняв облако пыли. Где-то недалеко снова раздалась серия металлических ударов. Топор отлетел в сторону. Мужчина с песочными волосами воспользовался своим преимуществом в этой ситуации и двинулся в сторону Брюса, занеся дубинку над головой. Брюс зарычал и в последнюю минуту успел отползти подальше.

Дубинка тяжело обрушилась на землю всего в нескольких дюймах от головы Брюса.

Он пополз к упавшему топору, который лежал в красной грязи в десяти футах от него. Как только он схватился за деревянную рукоятку, из облака пыли слева совершенно неожиданно выступила какая-то фигура. Брюс отскочил от кусачей, которая заторможенно подбиралась к нему, подобно гигантской ящерице. Из зияющего рта женщины сочилась черная слизь, виднелись маленькие острые зубы, челюсти щелкали с ожесточением, достойным рептилии.

И тут случилось кое-что еще, что вернуло Брюса к реальности.

Цепь, удерживавшая женщину на месте, внезапно натянулась: монстр не мог сделать ни шагу дальше. Брюс инстинктивно вздохнул от облегчения, пока тварь топталась в нескольких дюймах от него, бессильно протягивая к жертве руки. Кусачая рычала от зарождавшегося гнева, но цепь держала ее крепко. Брюсу хотелось голыми руками вырвать глаза этому чудищу или впиться зубами в шею бесполезного гнилого куска дерьма.

И снова Брюс услышал этот странный звук тарелок, а затем – голос другого мужчины, едва различимый среди шума:

– Давай, парень, поднимайся... Поднимайся.

Брюс зашевелился. Он схватил топор и встал на ноги. Снова раздалась удары тарелок... И тут Брюс развернулся и со всей силы обрушил топор на соперника.

Лезвие едва не вошло в шею мужчины с ежиком, разрезав воротник его водолазки и оставив на нем дыру длиной шесть дюймов.

– Ну, как тебе? – едва слышно пробормотал Брюс, обходя мужчину. – Как тебе такое развлечение?

– Это дух, – ответил коренастый крепыш – его звали Гэбриэл Харрис, а для приятелей просто Гейб, – после чего снова поднял дубинку, истыканный гвоздями конец которой вновь пролетел со свистом возле опухшего лица Брюса.

– И это все? – бросил Брюс, как раз вовремя отстранившись и затем обойдя соперника с другой стороны.

Он замахнулся топором. Гейб парировал удар своей дубинкой. Вокруг двух бойцов по-прежнему рычали, хрипели и слабо выли монстры, которые пытались вырваться из цепей, изголодавшиеся по человеческой плоти и обезумевшие от близости добычи.

Как только пыль на поле битвы улеглась, стали видны остатки грунтового гоночного трека.

Размером с футбольное поле, обнесенный сеткой по внешнему краю, гоночный трек ветеранов Вудбери был окружен развалинами старых питлейнов и темных, похожих на пещеры коридоров. Позади сетчатого ограждения друг за другом стояли решетчатые скамейки, которые доходили до огромных, подернутых ржавчиной световых опор. Теперь трибуны были заполнены гудящими жителями Вудбери. Ударами тарелок на самом деле были сумасшедшие аплодисменты и одобрительные выкрики зрителей.

В пыли, клубящейся над внутренней ареной, гладиатор, известный как Гейб, чуть слышно пробормотал, обращаясь лишь к своему сопернику:

– Сегодня ты дерешься, как чертова девчонка, Брюси.

Он закончил свою фразу, наотмашь ударив дубинкой по ногам темнокожего противника.

Брюс подпрыгнул и увернулся с ловкостью, которой мог бы позавидовать кто-нибудь из звезд мирового рестлинга. Гейб ударил снова, и дубинка отлетела в сторону, попав в голову молодому кусачему в потрепанном и грязном комбинезоне, возможно, бывшему механику.

Гвозди вошли в полуразложившийся череп твари, и в воздух полетели струи темной жидкости. Затем Гейб высвободил дубинку и пробормотал:

– Губернатор будет вне себя из-за твоего дерьмового выступления.

– Да ладно!

Брюс нанес ответный удар рукояткой топора, попав Гейбу в солнечное сплетение и повалив коренастого соперника на землю. Топор взмыл в воздух и вошел в землю в нескольких сантиметрах от шеи Гейба.

Тот откатился в сторону и вскочил на ноги, все еще бормоча себе под нос:

– Не стоило мне вчера так налегать на кукурузные лепешки.

Брюс занес топор еще раз, и лезвие снова прошло возле шеи Гейба.

– Помолчал бы ты, толстяк.

Гейб снова и снова наносил удары дубинкой, заставляя Брюса отступать назад, к прикованным цепями кусачим.

– Сколько мне тебе повторять? Губернатор хочет, чтобы все казалось реальным!

Брюс блокировал сокрушительный удар дубинки рукояткой топора.

– Ты мне, черт возьми, нос сломал, урод!

– Хватит ныть, кретин!

Гейб опять принялся орудовать дубинкой, пока гвозди не застряли в рукоятке топора. Потянув дубинку назад, Гейб вырвал топор из рук Брюса, и оружие отлетело в сторону. Зрители возликовали. Брюс попятился. Гейб пошел вслед за ним. Обманном движением Брюс развернулся и бросился прочь, после чего Гейб сделал выпад и одновременно ударил дубинкой по ногам темнокожего соперника.

Гвозди зацепились за камуфляжные штаны Брюса, прорвали их и легко поранили голень мужчины. Брюс споткнулся, тяжело осел и пополз по земле, оставляя за собой тонкие струйки крови.

Гейб сорвал сумасшедшие, неистовые аплодисменты – зрители едва ли не зашлись в истерику – и повернулся к трибунам, на которых разместилась существенная часть населения Вудбери, собравшаяся в городе после начала эпидемии. Он поднял дубинку, как герой фильма «Храброе сердце», и ликование трибун многократно усилилось. Гейб купался в нем. Он медленно поворачивался, держа дубинку над головой с едва ли не комичным выражением полной победы на лице.

На трибунах началось настоящее столпотворение... Но на самом верху, среди машущих рук и оглушительных криков, нашелся один человек из толпы, который, похоже, ужасался этому зрелищу.

Сидя на пятом ряду, далеко на северной стороне трибун, Лилли Коул брезгливо отвернулась. На ее лебединую шею был туго намотан выцветший льняной шарф, призванный прогнать апрельскую промозглость, на ней были собственноручно разорванные джинсы, свитер из дешевого магазина и простенькие бусы. Она покачала головой и раздраженно вздохнула. Ветер бросил локоны ее каштановых, как ириска, волос на когда-то юное лицо, на котором теперь лежал отпечаток травмы, глубокий, как складка на глянцевого воловьей коже: вокруг ее аквамариновых глаз и в уголках рта собрались морщинки. Она даже не понимала, что бормочет себе под нос:

– Чертовы римские цирки...

– Что-что? – Ее соседка оторвала взгляд от герметичной чашки с едва теплым зеленым чаем. – Ты что-то сказала?

Лилли покачала головой.

– Нет.

– Все хорошо?

– Нормально... Просто прекрасно.

Снова уставившись вдаль, Лилли видела, как толпа продолжала орать и неистовствовать, выпуская вой, подобный вою стаи гиен. Лилли Коул было немногим больше тридцати, но теперь она выглядела лет на десять старше и постоянно хмурилась от неизбывного ужаса.

– Честно говоря, я не знаю, как долго смогу и дальше терпеть это дерьмо.

Собеседница Лилли задумчиво глотнула чаю. Под ее паркой скрывался грязно-белый халат, а волосы этой серьезной, тихой девушки были собраны в конский хвост – это была местная медсестра Элис, которую очень волновало хлипкое положение Лилли в иерархии этого города.

– Это не мое дело, – наконец сказала Элис, достаточно тихо, чтобы ее не услышали сидевшие поблизости зрители. – Но на твоём месте я бы постаралась унять чувства.

Лилли посмотрела на нее.

– О чем ты?

– Хотя бы пока.

– Я не понимаю.

Элис, похоже, было не слишком удобно разговаривать об этом при свете дня, на глазах у всех.

– Ты ведь знаешь, он следит за нами.

– Что?

– Прямо сейчас он глаз с нас не сводит.

– Да ты, наверное...

Лилли резко умолкла. Она поняла, что Элис имела в виду темную фигуру, которая стояла в проходе к северу от них, ярдах в тридцати, прямо под сломанным табло. Человек был в тени, и его силуэт очерчивали лишь находившиеся позади него лампы. Положив руки на бедра, он наблюдал за происходящим на арене с довольным блеском в глазах.

Среднего роста и среднего сложения, он был одет во все черное, а на бедре у него висел крупнокалиберный пистолет. На первый взгляд мужчина казался мягким, практически безобидным, как гордый землевладелец или средневековый вассал, служащий своему лорду. Но даже с такого расстояния Лилли видела, как его змеиный взгляд, по коварству сравнимый со взглядом кобры, скользил по всем уголкам трибун. Каждые несколько секунд этот пронзительный взгляд возвращался к тому месту, где сидели Лилли и Элис, дрожавшие на весеннем ветру.

– Лучше пусть думает, что все прекрасно, – пробормотала Элис в свою чашку.

– Господи Иисусе, – бросила Лилли, уставившись на забросанный мусором цементный пол трибун.

Вокруг нее поднялась новая волна ликования и аплодисментов: гладиаторы снова вышли на арену, и Брюс неистово орудовал топором, загнав Гейба в угол к прикованным на цепи кусачим. Лилли практически не обращала на это внимания.

– Улыбнись, Лилли.

– Сама улыбнись... У меня для этого кишка тонка. – Лилли на некоторое время задержала свой взгляд на мерзком побоище на арене, где дубинка раскалывала один череп живых мертвецов за другим. – Я просто этого не понимаю.

Она покачала головой и отвернулась.

– Чего не понимаешь?

Глубоко вздохнув, Лилли взглянула на Элис.

– А что со Стивенсом?

Элис пожала плечами. Вот уже почти год доктор Стивенс был настоящим спасательным кругом для Элис: он не давал ей сойти с ума, учил ее ремеслу медсестры и показывал, как латать побитых гладиаторов, пользуясь лишь иссякающим запасом медикаментов, хранящихся в сети катакомб под гоночным треком.

– А что с ним?

– Что-то я не вижу, чтобы он подыгрывал всему этому безобразию. – Лилли потерла щеку. – Чем он отличается от других? Неужели тем, что ему не приходится заигрывать с Губернатором? Особенно после того, что случилось в январе.

– Лилли...

– Да ладно тебе, Элис. – Лилли посмотрела на нее. – Признай это. Наш добрый доктор никогда не показывается на этих сборищах и кому попало жалуется на кровожадные фрик-шоу Губернатора.

Элис облизнула губы, повернулась и предупредительно положила руку на плечо Лилли.

– Послушай. Не обманывай себя. Доктора Стивенса терпят исключительно из-за того, что он обладает медицинскими знаниями.

– И что?

– А то, что ему вообще-то не слишком рады в маленьком царстве Губернатора.

– О чем ты, Элис?

Девушка снова глубоко вздохнула, а затем еще сильнее понизила голос.

– Я говорю лишь о том, что неуязвимых здесь нет. Здесь никому не предоставляется гарантия занятости. – Она сильнее сжала руку Лилли. – Что, если найдут другого доктора, который будет более сговорчив? Стивенса вполне могут выгнать отсюда.

Лилли отстранилась от соседки, встала и вгляделась в отвратительную бойню на арене.

– С меня достаточно, я больше терпеть не могу. – Она посмотрела на силуэт, вырисовывавшийся в затененном северном проходе. – И мне плевать, следит ли он.

Девушка направилась к выходу.

Элис схватила ее.

– Лилли, просто пообещай мне... что будешь осторожна. Хорошо? Можешь не высываться? Ради меня?

Лилли улыбнулась ей загадочной и холодной улыбкой:

– Я знаю, что делаю, Элис.

Затем Лилли повернулась, спустилась по ступенькам и исчезла из вида у выхода.

Прошло более двух лет с того момента, как ожил первый мертвец и об этом стало известно обычным людям. За это время огромный мир за пределами сельской глубинки Джорджии постепенно померк с медленной неизбежностью метастазирующей опухоли, а жалкие кучки выживших стали охотиться за предметами первой необходимости в опустевших офисных зданиях, покинутых аутлетах и брошенных домах. Популяция ходячих росла и множилась, опасность усиливалась, среди людей формировались настоящие племенные союзы.

Городок Вудбери в штате Джорджия и округе Мериуэдер, расположенный в западной части штата примерно в семидесяти милях к югу от Атланты, стал настоящей аномалией в мире поселений выживших. Когда-то в этой небольшой фермерской деревне длиной в шесть кварталов проживало около тысячи человек и сходились основные автомобильные и железнодорожные пути, а теперь городок оказался полностью укреплен и фортифицирован силами солдат этой войны.

По внешним углам были расставлены модифицированные грузовики с прилаженными к ним пулеметами пятидесятого калибра. Старые железнодорожные вагоны обмотали колючей проволокой и расположили таким образом, чтобы заблокировать выходы. В самом центре города возвели оборонительные стены – причем некоторые баррикады достроили лишь недавно, – и за ними люди влачили свое жалкое существование, цепляясь за воспоминания о шумных празднествах и пикниках.

Пересекая центральную, обнесенную стенами часть города и целенаправленно шагая по растрескавшейся тротуарной плитке Мейн-стрит, Лилли Коул пыталась не обращать внимания на чувство, которое зарождалось в ней всякий раз, когда она замечала воинов Губернатора, которые бродили вдоль витрин, держа наперевес винтовки AR-15. «Они не просто отгоняют ходячих... Они не позволяют разбежаться нам».

Уже несколько месяцев, с той самой неудачной попытки переворота в январе, Лилли была в Вудбери персоной нон грата. Еще тогда Лилли было очевидно, что Губернатор перешел все границы, а его жестокий режим обратил Вудбери настоящей пляской смерти. Лилли смогла завербовать нескольких наиболее адекватных обитателей города, включая Стивенса, Элис и Мартинеса, который входил в ближний круг Губернатора, чтобы однажды вечером похитить тирана и отвезти его на прогулку во владения ходячих. План заключался в том, что Губернатора должны были сожрать как будто бы случайно. Но ходячие умудряются испортить любую, даже распрекрасную задумку, и посреди операции откуда ни возьмись появилось целое стадо мертвецов. Все предприятие обернулось борьбой за выживание... И Губернатор остался жив и продолжил править городом.

Как ни странно – и в некотором роде по-дарвиновски, – покушение на убийство лишь укрепило базу власти Губернатора. В глазах тех жителей, которые уже попали под действие его чар, он стал едва ли не Александром Великим, вернувшимся в Македонию, Стоунуоллом Джексон, вернувшимся в Ричмонд, окровавленным, но непобежденным, отвязным питбулем, рожденным, чтобы управлять. Казалось, никому не было дела до того, что лидер города

был явным – по крайней мере в представлении Лилли – социопатом. «Это суровые времена, а суровые времена требуют сурового лидера». Для заговорщиков же Губернатор стал своего рода жестоким родителем, поучая провинившихся и с удовольствием наказывая их.

Лилли добралась до ряда небольших двухэтажных зданий из красного кирпича, выстроившихся вдоль границы центральной части города. Некогда милые многоквартирные дома, вписанные в ландшафт, теперь превратились в убежища времен эпидемии. Заборы из штакетника обернули колючей проволокой, заросшие сорняками палисадники забросали гильзами, а побеги бугенвиллеи на воротах обвисли безжизненными коричневыми плетями, подобно старым проводам.

Взглянув на заколоченные окна, Лилли в очередной, уже миллионный раз задалась вопросом, почему она по-прежнему жила в этой ужасной, отчаянной и разобщенной семье, известной как Вудбери. Правда в том, что идти ей было некуда. Идти было некуда всем. Земля за стенами города была полна ходячих мертвецов, а вдоль дорог остались лишь смерть и разрушения. Лилли жила в Вудбери, потому что боялась, а страх в этом новом мире стал для всех единым общим знаменателем. Страх парализовал людей, запустил их основные инстинкты и вытащил на поверхность дикие животные импульсы и паттерны поведения, которые всегда скрывались в глубинах человеческой души.

Но в случае Лилли Коул жизнь зверя в клетке обнажила кое-что еще, что было спрятано внутри нее практически всю жизнь, что преследовало ее в кошмарных снах и понижало всю ее сущность, подобно рецессивному гену: одиночество.

Она была единственным ребенком в семье среднего достатка из Мариетты, а потому частенько оставалась одна: одна играла, одна сидела в углу школьной столовой или в автобусе... Она всегда была одна. В старших классах из-за гибкого ума, упрямства и специфического чувства юмора ее не принимали в среде девочек-чирлидеров. Она росла в изоляции, и латентные тяготы одиночества обрушились на нее в этом чумном мире. Она потеряла все, что для нее хоть что-нибудь значило: отца, парня Джоша, подругу Меган.

Она потеряла все.

Ее квартира находилась в восточном конце Мейн-стрит в одном из самых обшарпанных зданий комплекса. По западной стене ползли мертвые побеги кудзу, похожие на плесень, окна затянули черные скукожившиеся плети винограда. На крыше сгрудились антенны и старые спутниковые тарелки, которые, наверное, никогда уже не могли принять никакого сигнала. Когда Лилли подошла к дому, низкие облака развеялись, и полуденное солнце, бледное и холодное, как флуоресцентный свет, окатило ее своими лучами, отчего на шее девушки выступили капельки пота.

Она остановилась у двери, шаря по карманам в поисках ключей, но затем неожиданно замерла, заметив что-то боковым зрением. Обернувшись, она увидела на другой стороне улицы помятого человека, валявшегося прямо на земле, прислонившись спиной к витрине магазина. Один его вид заставил Лилли содрогнуться от сожаления.

Девушка убрала ключи и перешла улицу. Чем ближе она подходила к человеку, тем отчетливее слышала его тяжелое дыхание, в котором сквозили бессилие и отчаяние, и низкий, хриплый голос, которым он что-то неразборчиво бормотал в пьяном ступоре.

Боб Стуки, один из последних настоящих друзей Лилли, в полубессознательном состоянии лежал в позе эмбриона и подрагивал в своем изодранном и грязном синем пальто, прислонившись к двери заброшенного магазина инструментов. В витрине над ним красовалось ироничное, выцветшее на солнце объявление, написанное разноцветными буквами: «ВЕСЕННЯЯ РАСПРОДАЖА». На морщинистом и обветренном лице военного санитара, прижатом к тротуару, читалась боль, которая разрывала сердце Лилли.

После зимних событий этот человек пошел по наклонной и теперь был едва ли не единственным жителем Вудбери, запутавшимся в жизни сильнее, чем Лилли Коул.

– Бедняга, – тихо сказала Лилли, потянувшись к потрепанному шерстяному одеялу, скомканному у ног Боба.

В нос девушке ударил запах пота, курева и дешевого виски. Она натянула одеяло на Боба, и из складок выкатилась пустая бутылка из-под выпивки, которая звякнула о дверной порог магазина.

– ...надо сказать ей... – прохрипел Боб.

Лилли опустилась рядом с ним на колени, потрясла его за плечо и задумалась, есть ли у нее шанс помочь другу и вытащить его с улицы. Еще ей стало интересно, бредил ли Боб о Меган, когда говорил о «ней». Он был влюблен в эту девушку – бедняга, – и самоубийство Меган опустошило его. Лилли подтащила край одеяла прямо к сморщенной шее мужчины и мягко сказала:

– Все хорошо, Боб... Она... Она в лучшем...

– ...надо сказать...

На краткий миг Лилли испугалась вида его приоткрытых глаз с налитыми кровью белками. Неужели он обратился? Сердце девушки застучало.

– Боб? Это Лилли. Тебе снится кошмар.

Лилли отбросила страх, поняв, что он все еще жив – если, конечно, это можно было назвать жизнью – и просто бормочет в горячем алкогольном бреду, возможно, снова и снова прокручивая перед глазами тот момент, когда он увидел Меган Лафферти болтающейся в петле на разбитой лестничной клетке многоквартирного дома.

– Боб?...

Его глаза на мгновение распахнулись. Взгляд не сфокусировался, но был полон боли и мучения.

– Надо... сказать *ей*... что он *сказал*, – прохрипел он.

– Это Лилли, Боб, – ответила девушка, мягко погладив его руку. – Все хорошо. Это я.

Затем старый санитар встретился с ней взглядом и сказал своим хриплым прерывистым шепотом кое-что еще, и у Лилли по спине пробежали мурашки. В этот раз она расслышала все четко и поняла, что «она» – это не Меган.

«Она» – это Лилли.

И то, что Боб Стуки хотел сказать ей, будет преследовать Лилли всю ее жизнь.

Глава вторая

В тот день на арене Гейб нанес последний удар, который завершил битву, в самом начале четвертого по стандартному восточному времени, когда сражение продолжалось уже целый час. Утыканная гвоздями дубинка обрушилась на ребра Брюса, как раз в защищенную скрытым под армейским камуфляжем бронежилетом область, и Брюс ушел в нокаут. Измученный этим жестоким спектаклем, темнокожий здоровяк остался лежать на земле в облаке пыли, тяжело дыша прямо в грязь.

– У НАС ЕСТЬ ПОБЕДИТЕЛЬ!

При звуке многократно усиленного микрофоном голоса многие зрители оцепенели. Из огромных громкоговорителей со всех концов арены, которые питались от работающих в подвале генераторов, раздался треск. Гейб триумфально прошелся по треку, изо всех сил стараясь походить на Уильяма Уоллеса¹. Выкрики и аплодисменты заглушали низкое утробное рычание живых мертвецов, прикованных к столбам со всех сторон от Гейба, многие из которых все еще пытались урвать кусочек человеческой плоти, чтобы унять свой нечеловеческий голод. Их прогнившие челюсти клацали, из зияющих ртов сочилась слюна.

– НЕ РАСХОДИТЕСЬ, ДРУЗЬЯ! ПОСЛЕ БИТВЫ ГУБЕРНАТОР СДЕЛАЕТ ЗАЯВЛЕНИЕ.

По сигналу колонки взорвались низким ритмом хеви-метала, резкий звук электрогитары пронзил воздух, а на арене появился целый батальон рабочих сцены. Большинство составляли молодые парни в толстовках и кожаных куртках, вооруженные длинными железными пиками с крюками на концах.

Они окружили мертвецов. Тех спустили с цепей и поймали за шеи. Главный из работников громко отдавал приказания в облаке пыли. Один за другим рабочие повели монстров прочь с арены в ближайший коридор. Некоторые твари кусали воздух по пути в темное подземелье трека, другие хрипели и пускали черные слюни, уходя со сцены, подобно обиженным артистам.

Элис с молчаливым неодобрением смотрела на все это с трибун. Остальные зрители вскочили на ноги и хлопали в такт тяжелой мелодии, крича вслед стаду нежити, скрывавшемуся с глаз. Элис пошарила по полу рядом со своим местом и нащупала свою черную аптечку, лежавшую под скамейкой. Подняв ее, она поспешила к выходу с трибун и затем – по ступенькам вниз, на арену.

Когда Элис спустилась на трек, гладиаторы – Гейб и Брюс – уже отступили к южному выходу. Девушка побежала за ними. Краешком глаза она заметила призрачный силуэт, нарисовавшийся в северном проходе позади нее, собираясь триумфально явиться народу, как король Лир в Стратфорде-на-Эйвоне.

Он вышел на арену, затянутый в кожу. Из-под сапог в воздух взлетали облачка пыли, а длинный плащ развевался на ветру. Пистолет подпрыгивал на бедре при каждом шаге мужчины, придавая ему сходство с суровым охотником за головами из девятнадцатого века. Толпа возликовала при виде его, поднялась волна аплодисментов и выкриков. Один из работников, мужчина в возрасте, в футболке с изображением «Харлея», бородатый, как участники группы ZZ Top, подбежал к нему с проводным микрофоном в руках.

Элис обернулась и догнала двух измученных воинов.

– Брюс, погоди!

¹ Шотландский рыцарь и военачальник, предводитель шотландцев в войне за независимость от Англии, главный герой фильма «Храброе сердце». – Здесь и далее примечания переводчика.

Явно хромая, черный здоровяк доковылял до южного коридора, остановился и повернулся. Его левый глаз полностью заплыл, зубы покрылись кровью.

– Что надо?

– Давай я осмотрю твой глаз, – сказала Элис, подходя к мужчине, затем опустилась на колени и открыла аптечку.

– Я в порядке.

Гейб подошел к ним и ухмыльнулся:

– Что, Брюси, головка бо-бо?

Элис присмотрелась и промокнула марлей переносицу Брюса.

– Боже, Брюс... Почему ты не позволишь мне отвести тебя к доктору Стивенсу?

– Да у меня просто нос сломан, – огрызнулся тот, оттолкнув девушку. – Я же сказал, все в порядке.

Он пнул аптечку, инструменты и медикаменты рассыпались по грязному полу. Элис раздраженно вздохнула и наклонилась, чтобы собрать все, как вдруг музыка стихла, и низкий, бархатный, усиленный микрофоном голос перекрыл шум ветра и толпы.

– ДАМЫ И ГОСПОДА... ДРУЗЬЯ И СОСЕДИ ПО ВУДБЕРИ... МНЕ ХОЧЕТСЯ ПОБЛАГОДАРИТЬ КАЖДОГО ИЗ ВАС ЗА ТО, ЧТО ВЫ ПРИШЛИ НА СЕГОДНЯШНЕЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ. ЭТО БЫЛО НЕЧТО!

Элис оглянулась и увидела Губернатора, который стоял посреди арены.

Этот человек знал, как управлять массами. Он заряжал толпу огнем в своих глазах и сжимал в руке микрофон с подчеркнутой искренностью проповедника мегацеркви². Его окружала какая-то странная, таинственная аура. Он не был накачан и не отличался особой красотой – на самом деле при ближайшем рассмотрении его можно было назвать немного помятым и истощенным, – и все же Филип Блейк прямо лучился необъяснимой уверенностью в себе. Его темные глаза отражали свет, как жеоды³, а на изможденном лице красовались усы-подкова, характерные для бандитов третьего мира.

Обернувшись, он кивнул в сторону южного выхода, заставив Элис содрогнуться, как только она почувствовала на себе его холодный взгляд. Громкий голос мужчины дрогнул и эхом разнесся над треком:

– И Я ХОЧУ ОТДЕЛЬНО ПОБЛАГОДАРИТЬ НАШИХ БЕССТРАШНЫХ ГЛАДИАТОРОВ, БРЮСА И ГЕЙБА! ПОКАЖИТЕ ИМ СВОЮ ЛЮБОВЬ! ПОПРИВЕТСТВУЙТЕ ИХ!

Возгласы, крики и улюлюканье прошли несколько октав, отражаясь от металлических световых опор и навесов, как лай озлобленной собачьей своры. Губернатор позволил аплодисментам отгрезметь, как дирижер, направляющий развитие симфонии. Элис закрыла аптечку и поднялась на ноги.

Брюс героически помахал зрителям, а затем последовал за Гейбом по темному коридору, исчезнув из вида с торжественностью, достойной религиозного ритуала.

На другом конце арены Губернатор опустил голову, ожидая, пока волна ликования отступит обратно в море.

В опустившейся тишине он заговорил немного тише и спокойно продолжил бархатным голосом, перекрывая шум ветра:

– А ТЕПЕРЬ... ДАВАЙТЕ О СЕРЬЕЗНОМ. Я ЗНАЮ, ЧТО НАШИ ЗАПАСЫ ПОДХОДЯТ К КОНЦУ. МНОГИМ ИЗ ВАС ПРИХОДИТСЯ ЭКОНОМИТЬ И ПОЛУЧАТЬ ПРОДУКТЫ ПО РАСПРЕДЕЛЕНИЮ. ИДТИ НА ЖЕРТВЫ.

Он посмотрел на свою паству, встретившись глазами со зрителями, а затем продолжил:

² Протестантская церковь численностью более 2000 прихожан, которые собираются в одном здании.

³ Геологическое образование, в котором минеральное вещество формируется внутри осадочной породы.

– Я ЧУВСТВУЮ, ЧТО НАРАСТАЕТ НЕДОВОЛЬСТВО. НО Я ХОЧУ, ЧТОБЫ ВСЕ ВЫ ЗНАЛИ... ИЗБАВЛЕНИЕ НЕ ЗА ГОРАМИ. СКОРО СОСТОИТСЯ РЯД ВЫЛАЗОК... ПЕРВАЯ НАЗНАЧЕНА НА ЗАВТРА... И ВО ВРЕМЯ ЭТИХ ВЫЛАЗОК МЫ ДОБУДЕМ ДОСТАТОЧНО ПРОВИЗИИ, ЧТОБЫ ПРОДОЛЖАТЬ ЖИЗНЬ. В ЭТОМ СУТЬ, ДАМЫ И ГОСПОДА. ЭТО ВАЖНЕЕ ВСЕГО. МЫ ПРОДОЛЖИМ ЖИТЬ! МЫ НИКОГДА НЕ СДАДИМСЯ! НИКОГДА!

Несколько зрителей принялись аплодировать, но большинство не издало ни звука, со скепсисом внимая этим словам и безразлично сидя на холодных и жестких скамейках. Они уже несколько недель жили на застоялой колодезной воде с металлическим привкусом и гниющих фруктах из заброшенных садов. Своим детям они отдавали остатки консервированного мяса и подернутой плесенью копченой дичи.

Губернатор взирал на всех с центра поля.

– ДАМЫ И ГОСПОДА, ЗДЕСЬ, В ВУДБЕРИ, СТРОИТСЯ НОВАЯ ОБЩИНА... И МОЯ СВЯЩЕННАЯ ОБЯЗАННОСТЬ – ЗАЩИЩАТЬ ЭТУ ОБЩИНУ. И Я СДЕЛАЮ ТО, ЧТО СЛЕДУЕТ. Я ПОЖЕРТВУЮ ВСЕМ, ЧЕМ СЛЕДУЕТ. В ЭТОМ И ЗАКЛЮЧАЕТСЯ СУТЬ ОБЩИНЫ! ПРИНОСЯ СВОИ НУЖДЫ В ЖЕРТВУ НУЖДАМ ОБЩИНЫ, КАЖДЫЙ ПОЛУЧАЕТ ПРАВО ХОДИТЬ С ВЫСОКО ПОДНЯТОЙ ГОЛОВОЙ!

Аплодисменты несколько усилились. Некоторые зрители уже обрели Иисуса и вопили в экстазе. Губернатор продолжил свою нотацию:

– ИЗ-ЗА ЭПИДЕМИИ НА ВАШУ ДОЛЮ ВЫПАЛИ УЖАСНЫЕ СТРАДАНИЯ. У ВАС ЗАБРАЛИ ВСЕ, ЧТО ВЫ ЗА ВСЮ ЖИЗНЬ ЗАРАБОТАЛИ ТЯЖКИМ ТРУДОМ. МНОГИЕ ИЗ ВАС ПОТЕРЯЛИ БЛИЗКИХ. НО ЗДЕСЬ... В ВУДБЕРИ... У ВАС ЕСТЬ КОЕ-ЧТО ТАКОЕ, ЧТО ОТОБРАТЬ НЕ СМОЖЕТ НИКТО, НИ ЧЕЛОВЕК, НИ МОНСТР: У ВАС ЕСТЬ НА КОГО ПОЛОЖИТЬСЯ!

После этого некоторые жители вскочили на ноги и сложили вместе ладони, в то время как другие сжали кулаки. Послышался ропот.

– Я ПОДЧЕРКНУ: НЕТ НИЧЕГО ЦЕННЕЕ В ЭТОМ МИРЕ, ЧЕМ НАШИ ЛЮДИ. И РАДИ НАШИХ ЛЮДЕЙ... МЫ НИКОГДА НЕ СДАДИМСЯ... НЕ ДРОГНЕМ... НЕ ВЫЙДЕМ ИЗ СЕБЯ... И НЕ ПОТЕРЯЕМ СВОЮ ВЕРУ!

Поднялось еще несколько зрителей. Шум ликования и аплодисментов пронзил небеса.

– У ВАС ЕСТЬ ОБЩИНА! ЕСЛИ ВЫ БУДЕТЕ ДЕРЖАТЬСЯ ЗА НЕЕ, НЕ НАЙДЕТСЯ В МИРЕ ТАКОЙ СИЛЫ, КОТОРАЯ СМОЖЕТ ЭТУ ОБЩИНУ У ВАС ОТОБРАТЬ! МЫ ВЫЖИВЕМ. Я ОБЕЩАЮ. ВУДБЕРИ ВЫЖИВЕТ! ДА ХРАНИТ ВАС БОГ... И ДА ХРАНИТ БОГ ВУДБЕРИ!

На другом конце арены Элис подхватила аптечку и, не оглядываясь, вышла через южные ворота.

Она уже видела этот спектакль.

Окончив свое выступление, Филип Блейк зашел в мужской туалет в дальнем конце заброшенного мусором портика арены. Узкое помещение воняло засохшей мочой, черной плесенью и крысиным дерьмом.

Филип облегчился, брызнул водой на лицо, а затем задержал взгляд на своем отражении в растрескавшемся зеркале, напоминавшем картины кубистов. Где-то на задворках его разума, в каком-то далеком уголке памяти эхом раздавался плач маленькой девочки.

Закончив, он распахнул дверь и вышел, позвякивая металлическими накладками на носках сапог и длинной цепочкой, прикрепленной к ремню. Он прошел по длинному коридору из шлакоблоков, спустился на несколько пролетов по лестнице, пересек другой коридор, наконец спустился еще на пару ступенек и оказался перед «загонами» – рядом раздвижных гаражных дверей, испещренных вмятинами и старыми граффити.

У последней двери слева стоял Гейб, который как раз выудил что-то влажное из железной бочки из-под масла и бросил кусок в прорезанное в двери отверстие. Губернатор подошел молча, помедлив у одной из дверей.

– Хорошо поработал сегодня, дружище.

– Спасибо, шеф.

Гейб снова пошарил в бочке, вытащил очередной кусок – человеческую ногу, грубо отрубленную в районе лодыжки, блестящую от запекшейся крови, – и спокойно бросил его в зияющую дыру.

Филип заглянул сквозь грязное стекло в облицованную плиткой камеру, забрызганную кровью. Там все кишело ходячими – настоящая оргия бледно-голубых лиц и почерневших ртов, две дюжины уцелевших после битвы ходячих сгрудились у кусков человеческих тел, валявшихся на полу, подобно диким свиньям, вступившим в схватку за трюфель, – и Филип не мог отвести глаз, на мгновение оцепенев, плененный зрелищем.

Через некоторое время он отвлекся от омерзительного пиршества и кивнул в сторону бака со свежими останками.

– Кто на этот раз?

Гейб поднял голову. Его потрепанная водолазка разорвалась в районе живота и приоткрыла бронежилет, под мышками предательски расплзлись темные пятна пота. На руках у него были хирургические перчатки, заляпанные свежей кровью.

– О чем вы?

– О мясе, которое ты кидаешь мертвецам. Кто это?

Гейб кивнул.

– А... Тот старикашка, который жил около почты.

– Надеюсь, умер своей смертью?

– Да, – кивнул Гейб и швырнул в отверстие еще один кусок тела. – Прошлой ночью у бедняги случился приступ астмы. Говорят, у него была эмфизема.

Губернатор вздохнул.

– Теперь он в лучшем мире. Дай мне руку. От локтя до кисти. И пожалуй, какой-нибудь из маленьких органов... Почку, сердце.

Гейб медлил. По коридору эхом разносились жуткие чавкающие звуки безумной трапезы. Подручный взглянул на Губернатора со смесью сочувствия, симпатии и, может, даже чувства долга, подобно тому, как бойскаут смотрит на своего водителя, которому потребовалась помощь.

– Знаете что... – сказал Гейб, и его хриплый голос смягчился. – Идите домой, я все принесу.

Губернатор встретился с ним взглядом.

– Почему?

Гейб пожал плечами.

– Когда прохожие видят, как я тащу что-то, они даже не задумываются об этом. Но когда вы что-то тащите, им хочется помочь... Они могут спросить вас, что в мешке, начнут выведывать, чем вы вообще занимаетесь.

Филип задержал свой взгляд на собеседнике.

– Тут ты прав.

– Еще случится что.

– Что ж, ладно, – довольно кивнул Филип. – Сделаем по-твоему. Я весь вечер дома, приноси.

– Вас понял.

Губернатор хотел было выйти, но на секунду задержался. Снова повернувшись к Гейбу, он улыбнулся.

– Гейб... спасибо. Ты хороший парень. Лучше у меня никого нет.

Толстошей здоровяк ухмыльнулся, как бойскаут, получивший очередной значок.

– Спасибо, шеф.

Развернувшись, Филип Блейк направился к лестнице, и походка его неувовимо изменилась, став слегка, хоть и заметно пружинистой.

В Вудбери не было места ближе по статусу к особняку, чем квартира с тремя спальнями, занимавшая верхний этаж жилого дома, стоявшего в самом конце Мейн-стрит. На стенах хорошо укрепленного здания из чистого желтого кирпича с контрастными швами не было ни граффити, ни грязи. Входная дверь всегда охранялась часовыми, несшими вахту у пулемета, установленного в башне на другой стороне улицы.

Тем вечером Филип Блейк, радостно посвистывая, вошел в холл, миновав множество железных почтовых ящиков, в которые уже более двух лет не приходило ни одного письма. Он поднялся по лестнице, перешагивая через ступеньку и чувствуя воодушевление и гордость за свою деревенскую братию, свою огромную семью, свое место в этом новом мире. Остановившись у двери в конце коридора второго этажа, он нащупал в кармане ключи и вошел внутрь.

Квартира эта не могла попасть на страницы «Архитектурного вестника». В застеленных коврами комнатах практически не было мебели, в окружении коробок там стояло лишь несколько кресел. Но при этом в квартире было чисто и все лежало на своих местах: она была истинным проявлением логичного, структурированного ума Филипа Блейка.

– Папочка вернулся, – радостно провозгласил он, входя в гостиную. – Прости, что поздно, милая... Был занят.

Он снял кобуру, скинул жилет и положил ключи с пистолетом на тумбочку возле двери.

В другом конце комнаты спиной к нему стояла девочка в потрепанном платье с передником. Она слегка ударялась головой о большое окно, словно золотая рыбка, которая инстинктивно стремится выбраться из аквариума.

– Как поживает моя маленькая принцесса? – спросил он, приближаясь к ребенку. Тотчас расслабившись в домашней обстановке, Филип опустился на колени и простер вперед руки, будто ожидая объятия. – Ну же, куколка... это папа. Не бойся.

Маленькая тварь, которая когда-то была девочкой, резко развернулась к нему лицом, дернув цепь, прикованную к надетому на нее железному ошейнику, и утробно захрипела, обнажив гнилые зубы. Лицо ее – некогда личико милого голубоглазого ангелочка – было мертвенного синевато-серого цвета. Пустые глаза напоминали молочно-белые камешки.

Вся радость тут же испарилась из Филипа Блейка, как только он опустился на пол и, скрестив ноги, сел на ковер рядом с девочкой, но вне зоны ее досягаемости. «Она меня не узнает». Мысли прыгали в его голове, то и дело возвращаясь к темной, мрачной отправной точке: «Черт возьми, почему она меня не узнает?»

Филип Блейк верил, что мертвецов можно было обучить, что они все еще имели доступ к дремлющим воспоминаниям о прошлом. У него не было научных доказательств этой теории, но ему приходилось верить в нее, другого выбора не оставалось.

– Все в порядке, Пенни, это папа. – Он протянул руку, словно девочка могла пожать ее. – Дай мне руку, милая. Помнишь? Помнишь, как мы долго гуляли за ручку вдоль озера Райс?

Она бросилась к его кисти и попыталась подтянуть ее ко рту, щелкая маленькими и острыми, как у пираньи, зубами.

Филип отдернул руку.

– Пенни, нет!

Он снова попробовал мягко взять ее за руку, но она лишь еще раз попыталась укусьть его.

– Пенни, прекрати! – Филип едва сдерживал гнев. – Не делай этого. Это я... Твой папочка... Ты не узнаешь меня?

Девочка потянулась к его руке. Ее почерневшие, полуразложившиеся челюсти хватили воздух, а яростное, смрадное дыхание прерывалось едва слышными хрипами.

Филип отпрянул. Поднявшись на ноги, он провел руками по волосам. От отвращения его подташнивало.

– Постарайся вспомнить, дорогая, – молил он, чувствуя, как сдавило горло. Голос его дрожал, в нем слышались слезы. – Ты ведь можешь. Я знаю, что можешь. Постарайся вспомнить меня.

Девочка дергалась на цепи, инстинктивно клацая челюстями. Она мотала мертвой головой, но в ее безжизненных глазах не отражалось ничего, кроме голода и, возможно, какой-то растерянности – растерянности лунатика, который столкнулся с чем-то неизвестным.

– Проклятая девчонка, ты же меня знаешь! – Филип сжал кулаки, возвышаясь над ребенком. – Смотри на меня! Я твой отец! Ты что, не видишь? Я твой папа, черт тебя дерит! Посмотри на меня!!!

Мертвая девочка зарычала. Филип взвыл от злости и автоматически поднял руку, чтобы отвесить ребенку пощечину, но вдруг услышал стук, который вернул его к действительности. Моргнув, он замер, так и не опустив руку.

Кто-то стучался в заднюю дверь. Филип оглянулся. Звук шел из кухни, откуда на ветхую лестницу, спускавшуюся в узкий переулок, выходила запасная дверь квартиры.

Вздыхнув, Филип опустил руки и унял свою ярость. Отвернувшись от девочки, он несколько раз медленно, глубоко вдохнул, пересекая гостиную. Подойдя к задней двери, он распахнул ее.

В сумраке стоял Гейб, державший в руках картонную коробку, покрытую влажными маслянистыми пятнами.

– Привет, шеф. Тут все, что вы распорядились при...

Ничего не говоря, Филип схватил коробку и зашел обратно в квартиру.

Гейб остался в темноте, раздосадованный грубым приемом, и вскоре дверь захлопнулась прямо у него перед носом.

Той ночью Лилли долго не могла заснуть. Одета в отсыревшую футболку Технологического института Джорджии и трусики, она лежала на голом матрасе дивана и пыталась найти удобную позицию, рассматривая трещины на оштукатуренном потолке убогой квартиры на первом этаже здания.

Напряжение в задней части ее шеи, пояснице и суставах пронзало все ее тело подобно электрическому разряду. Так, наверное, и проходит электрошоковая терапия. Один из ее психотерапевтов предложил использовать электрошок для лечения обнаруженного у нее тревожного невроза. Она отказалась. Но ей всегда было интересно, могло ли это лечение ей помочь.

Теперь уже не было никаких психотерапевтов, все кушетки в их кабинетах оказались перевернуты, офисные здания потрепались и обрушились, в аптеках не осталось лекарств – всю сферу психотерапии постигла судьба центров красоты и здоровья и аквапарков. Теперь Лилли Коул была сама по себе, наедине с изматывающей бессонницей и преследующими ее мыслями и воспоминаниями о покойном Джоше Ли Хэмилтоне.

В основном Лилли думала о том, что чуть раньше в пьяном ступоре прошептал ей Боб Стуки, валявшийся на тротуаре. Лилли пришлось наклониться, чтобы расслышать его слабые хрипы, вымученные слова, которые одно за другим с огромным трудом вырывались наружу.

«Надо сказать ей, что он сказал, – пробормотал Боб ей на ухо. – Перед тем как умер... он сказал мне... Джош сказал мне... что именно Лилли... Лилли Коул... только ее... только ее он и любил в своей жизни».

Лилли никогда не верилось в это. Никогда. Ни в то время. Ни тогда, когда здоровяк Джош Хэмилтон был жив. И даже ни тогда, когда его хладнокровно убил один из негодяев Вудбери. Неужели каменная стена окружила сердце Лилли из-за чувства вины? Или из-за того, что она позволила Джошу любить ее, используя его в основном для защиты?

Или из-за того, что Лилли и сама себя не любила достаточно, чтобы любить еще кого-то?

Услышав те слова из уст забывшегося в пьяном бреду алкоголика, лежавшего на тротуаре, Лилли похолодела от ужаса. Она попятилась от Боба, словно он излучал радиацию, и бросилась назад в свою квартиру, заперев изнутри все двери.

Теперь она лежала в вечной темноте пустынной комнаты, съедаемая беспокойством и тревогой, и мечтала о таблетках, которые когда-то глотала, как конфеты. Она готова была отдать свой левый яичник за дозу «Валиума», «Ксанакса» или какого-нибудь «Амбиена»... Боже, да подошла бы даже выпивка из тех, что покрепче. Она еще некоторое время поглазела в потолок, и наконец ей в голову пришла идея.

Спрыгнув с кровати, она пошарила в ящике с иссякающими припасами. Рядом с двумя жестянками с ветчиной, куском мыла «Айвори» и наполовину использованным рулоном туалетной бумаги – туалетная бумага в Вудбери теперь была в цене и торговалась так, как некогда торговалось слитковое золото на Нью-Йоркской фондовой бирже, – она нашла почти пустой пузырек с «Найквилом»⁴.

Проглотив оставшиеся таблетки, она вернулась в постель, потерла глаза, несколько раз неглубоко вздохнула и попыталась выбросить все из головы, вслушиваясь в тягучее гудение генераторов на другой стороне улицы, всепроникающий и равномерный шум которых ритмом отдавался в ушах девушки.

Немногим менее часа спустя она провалилась в яркий, кошмарный сон, наконец устроившись на пропотевшем матрасе.

Может, так проявлялось побочное действие «Найквила» на пустой желудок, а может, перед внутренним взором все еще стояла мрачная гладиаторская битва, или же наружу рвались подавленные чувства по отношению к Джошу Хэмилтону, но Лилли поняла, что бредет по окружающему кладбищу и в кромешной темноте отчаянно ищет могилу Джоша.

Она заблудилась. Позади нее, в темном лесу, по обе стороны от девушки слышалось дикое рычание. До нее доносились хруст веток, шуршание гравия и шаркающая поступь ходячих мертвецов – сотен ходячих мертвецов, – стремившихся к ней.

В лунном свете она переходила от могилы к могиле в поисках места упокоения Джоша.

Сперва ритмичные удары тихонько вкрадывались в сон, доносясь издалека и отдаваясь эхом, заглушаемые нарастающим хрипением мертвецов. Лилли даже не сразу заметила их. Она слишком сосредоточилась на том, чтобы найти один-единственный могильный камень в целом лесу серых, раскрошившихся памятников. Кусачие подбирались все ближе.

Наконец она заметила в отдалении свежую могилу на крутом каменистом обрыве под голыми деревьями. Памятник из белого мрамора стоял в тени, и бледный лунный свет отражался от его поверхности. Он был водружен у высокой насыпи влажной красноватой земли. Когда Лилли приблизилась, лунный луч высветил имя, начертанное на камне:

ДЖОШУА ЛИ ХЭМИЛТОН
Р. 15.01.69 – У. 21.11.12

⁴ Лекарственное средство от простуды, содержащее седативные компоненты и рекомендуемое к приему перед сном.

Как только Лилли подошла к могиле, уши ее уловили удары. Шелестел ветер. Ходячие окружали ее. Краешком глаза она видела целую группу стремительно приближавшихся мертвецов: из леса одно за другим показывались полуразложившиеся тела, которые спешили к ней, истлевшие погребальные одеяния развевались на ветру, а белки мертвых глаз сияли в темноте, подобно новеньким монетам.

Чем ближе Лилли подходила к могильному камню, тем громче становились удары.

Поднявшись на холм, она оказалась совсем рядом с могилой. Удары стали казаться ей приглушенным стуком, как будто бы кто-то стучал в дверь – или, возможно, по крышке гроба, – но звук уходил в землю. Не в силах вздохнуть, Лилли опустилась на колени возле памятника. Стук раздавался изнутри могилы Джоша. Теперь он был таким громким, что комья земли на холме подпрыгивали и скатывались вниз, влекомые крошечными лавинами.

Страх Лилли усилился. Девушка прикоснулась к земле. Сердце ее похолодело. Джош лежал там, внизу, и стучал по крышке гроба в отчаянном желании освободиться, наконец выйти из своего заточения.

Ходячие приближались к Лилли, и она чувствовала их вонючее дыхание на своей шее. Их длинные тени скользили по холму с обеих сторон от девушки. Она была обречена. Джош хотел выйти наружу. Стук нарастал. Лилли взглянула на могилу. Слезы катились у нее по щекам и падали с подбородка, впитываясь в землю. Сквозь грязь стали проступать грубо сбитые планки простого гроба Джоша, внутри которого что-то двигалось.

Лилли всхлипнула. Ходячие окружили ее. Стук стал оглушительным. Еще раз всхлипнув, Лилли подалась вперед и нежно коснулась гроба, как вдруг...

...Джош вырвался из своей деревянной клетки, разломав ее, словно она была сбита из спичек. Его челюсти клацали, хватая воздух в животном голоде, он нечеловечески выл. Лилли закричала, но из горла не вырвалось ни звука. На крупном квадратном лице Джоша промелькнула жажда крови, и он ринулся к шее девушки. Глаза его были мертвы и блестели, как пятицентовики.

Боль, пронзившая Лилли, когда гнилые зубы Джоша впились ей в шею, заставила ее проснуться от ужаса.

Вздрагнув, Лилли открыла глаза. Все ее тело было покрыто холодным потом. Лучи утреннего света, казалось, содрогались от того, что кто-то стучал в дверь ее квартиры. Лилли задышала глубже и отогнала от себя кошмарные видения, хотя звук собственного крика еще стоял у нее в ушах. Стук не прекращался.

– Лилли? Ты в порядке?

Лилли едва расслышала знакомый голос, приглушенный дверью. Она потерла лицо, глубоко вздохнула и попыталась найти одежду.

Через некоторое время она поняла, что находится в своей комнате. Дыхание восстановилось. Лилли вылезла из постели и почувствовала головокружение, шаря по комнате в поисках джинсов и майки. Стук стал настойчивее.

– Иду! – сдавленно крикнула она.

Натянув на себя одежду, она подошла к двери.

– О... Привет, – пробормотала Лилли, открыв ее и увидев, что на крыльце в бледном утреннем свете стоял Мартинес.

На высоком стройном латиносе, как всегда, красовалась бандана, по-пиратски повязанная на голову, а оборванные рукава рубашки обнажали мускулистые руки. На плече у него висел автомат, а на красивом лице было написано участие.

– Какого черта здесь происходит? – спросил он, оглядывая Лилли темными глазами, в которых читалось беспокойство.

– Все в порядке, – не слишком убедительно ответила она.

– Ты забыла?

– Э-э... Нет.

– Бери пушки, Лилли, – сказал он. – Мы отправляемся на вылазку, о которой я уже рассказывал, и нам нужно как можно больше рук.

Глава третья

– Доброе утро, шеф!

Коренастый и лысый мужчина среднего возраста по имени Гас поприветствовал Мартинеса и Лилли, встретив их у самой дальней фуры, которая перекрывала ворота в северной части города. С толстой, как у носорога, шеей, в заляпанной маслом футболке без рукавов, обтягивавшей круглый живот, Гас не производил впечатления интеллектуала. Но недостаток ума он компенсировал своей преданностью.

– Доброе утро, Гас, – сказал Мартинес, подходя ближе. – Может, возьмешь пару вон тех пустых канистр на случай, если мы наткнемся на золотую жилу?

– Будет сделано, шеф.

Развернувшись, Гас пошел прочь, держа под мышкой двустволку на манер газеты, которую он прихватил с собой, чтобы прочитать позже, и скоро исчез за углом на глазах у Мартинеса и Лилли.

Посмотрев на восток, Лилли увидела лучи утреннего солнца, всходившего над баррикадой. Не было еще и семи, но беспричинный холод, стоявший в этих местах недель ранее, уже развеялся. В этой части Джорджии весна порой вела себя непредсказуемо: с ее приходом становилось прохладно и сыро, а потом внезапно – тепло и влажно, как в тропиках.

– Лилли, может, поедешь сзади, с остальными? – Мартинес кивнул на большой военный грузовик, стоявший в отдалении. – На место стрелка я посажу старого Гаса, на случай если придется отстреливаться по дороге.

Тяжелый грузовик, недавно пригнанный с расположенной по соседству базы Национальной гвардии, стоял перпендикулярно фуре под сенью дубов. Его огромные колеса были покрыты грязью, а бронированный клепаный кузов по надежности приравнялся к танку. Заднюю дверь прикрывал брезент.

Когда Мартинес и Лилли подошли к грузовику, у кабины показался немолодой мужчина в бейсбольной кепке и блестящей спортивной куртке, который вытирал руки грязной тряпкой. Худощавый, с обветренным лицом, лукавыми глазами и седой бородкой, Дэвид Штерн выглядел на шестьдесят с хвостиком и походил на властного и строгого школьного футбольного тренера.

– Примерно кварталы⁵ не хватало, – сказал он Мартинесу. – Я залил немного масла, уже использованного... Должно хватить на некоторое время. Доброе утро, Лилли.

Лилли рассеянно кивнула мужчине и вяло поприветствовала его.

В это время вернулся Гас с парой побитых пластиковых канистр в руках.

– Кидай их в кузов, Гас. – Мартинес обошел грузовик. Лилли и Дэвид последовали за ним. – Где же твоя миссис, Дэвид?

– Здесь!

Из-под брезента показалась седая голова Барбары Штерн. Ей тоже было за шестьдесят. Поверх выцветшего гавайского платья муу-муу она набросила джинсовую куртку и всем своим видом напоминала стареющую хиппи. Длинные седые пряди в беспорядке падали ей на испещренное глубокими морщинами загорелое лицо, живая мимика которого намекала на остроумие женщины, которое, должно быть, все эти годы не давало заскучать ее мужу.

– Пытаюсь здесь кое-чему научить юнца. Как об стенку горох.

Упомянутый «юнец» неожиданно вырос рядом с ней.

– Ой-ой-ой, – с хитрой улыбкой бросил парень.

⁵ Мера объема, равная 1/4 галлона.

Ему было всего двадцать два. Длинные темные, кофейного цвета кудри Остина Балларда падали на его глубоко посаженные глаза, в которых плясали огоньки непослушания. В короткой кожаной куртке, с кучей побрякушек на шее, он напоминал рок-звезду второго дивизиона, самого настоящего плохого парня.

– Как ты вообще это терпишь, Дэйв? – спросил он.

– Я много пью и соглашаюсь со всем, что она говорит, – ухмыльнулся Дэвид Штерн, стоявший за спиной Мартинеса. – Барбара, перестань опекать мальчишку.

– Да боже ты мой, он пытался тут прикурить! – проворчала Барбара Штерн. – По-твоему, стоило позволить ему курить прямо здесь и отправить нас к праотцам?

– Ладно, хватит. – Мартинес проверил магазин своего автомата, держась по-деловому и даже немножко нервно. – У нас есть дела. Порядок вы знаете. Давайте-ка покончим с этим, ни во что не вляпавшись.

Мартинес отправил Лилли и Дэвида в кузов к остальным, а сам вместе с Гасом отправился в кабину.

Лилли залезла в грузовик и вдохнула затхлый воздух. Пахло старым потом, кордитом⁶ и плесенью. Закованная в металлическую сетку лампа тускло освещала ящики, сложенные вдоль стенок на рифленом полу. Лилли искала себе угол.

– Я припас для тебя местечко, – сказал ей Остин с легкой распутной ухмылкой, похлопав по пустой канистре возле себя. – Давай, устраивайся... Я не кусаюсь.

Лилли закатила глаза, вздохнула и села рядом с парнем.

– Не распускай руки, Ромео, – сострила Барбара Штерн, сидевшая в другом конце темного кузова на низком деревянном ящике рядом с Дэвидом, который посмеивался над молодежью.

– Они отличная пара, правда? – сказал Дэвид с хитрым блеском в глазах.

– Ой, да ладно вам, – с некоторым раздражением пробормотала Лилли.

Меньше всего на свете ей хотелось связаться с двадцатидвухлетним парнем, особенно столь навязчиво флиртующим с ней, как Остин Баллард. Последние три месяца – с того самого момента, как он пришел в Вудбери откуда-то с севера вместе с разношерстной группой из десяти человек, истощенный и обезвоженный, – он заигрывал практически с каждой женщиной, которая еще не дожидаясь до менопаузы.

Но если бы Лилли спросили, ей пришлось бы признать, что Остин Баллард был, как выражалась ее старая подруга Меган, «очень даже ничего». Своей кудрявой шевелюрой и длинными ресницами он вполне мог завоевать одинокое сердце Лилли. Кроме того, одной внешностью его достоинства не исчерпывались. Лилли видела его в бою. За милым личиком и грубым обаянием скрывался сильный, закаленный этой чумой юноша, который, похоже, готов был пожертвовать собой ради других.

– Лилли любит играть в недотрогу, – заметил Остин, по-прежнему улыбаясь своей полуулыбкой. – Но она смягчится.

– Размечтался, – пробормотала Лилли, после чего грузовик дернулся и завелся.

Включилась передача, кузов содрогнулся, и машина медленно тронулась с места.

Лилли услышала снаружи рев второго двигателя – огромного дизеля, – и желудок ее сжался, как только она поняла, что двери кузова остались открыты.

Мартинес наблюдал за тем, как фура медленно сдавала назад, освобождая двадцатипятифутовый проем в баррикаде. Из вертикальной выхлопной трубы со свистом вырывались выхлопные газы.

⁶ Один из видов бездымного пороха.

В сотне ярдов от Вудбери виднелись освещенные бледным солнечным светом леса. Ходячих не было. Пока. Солнце все еще висело низко, и пылинки плясали в его мягких лучах, выжигавших предрассветный туман.

Проехав еще двадцать футов, Мартинес остановил грузовик, опустил стекло и взглянул на двух стрелков, дежуривших на лестнице, прислоненной к углу стены.

– Миллер! Окажи мне услугу, а?

Один из мужчин – стройный негр в толстовке «Атланта Фэлконс» – подался вперед.

– Я к вашим услугам, шеф.

– Не подпускайте кусачих к стенам, пока мы не вернемся. Справитесь?

– Справимся!

– Не хотелось бы завязнуть на обратном пути. Понимаешь?

– Мы обо всем позаботимся! Не беспокойтесь!

Мартинес вздохнул и снова поднял стекло.

– Ага, конечно, – едва слышно пробормотал он, рывком переключил передачу и нажал на газ. Грузовик помчался вперед, в туманное утро.

На мгновение Мартинес заглянул через стекло в боковое зеркало. В клубах дыма, поднимаемых огромными колесами грузовика, он разглядел отдалявшиеся от них строения Вудбери.

– Не беспокоимся, конечно... Что вообще может пойти не так?

До автострады 85 они добирались около получаса. Мартинес ехал на запад от Вудбери, вилляя между брошенными каркасами автомобилей и фургонов, загромождавшими двухполосную трассу, на всякий случай двигаясь на скорости сорок-пятьдесят миль в час, чтобы какой-нибудь заблудший кусачий, вышедший из леса, не смог зацепиться за кузов.

Грузовик то и дело огибал искореженные машины, и на поворотах сидевшим сзади людям приходилось держаться за свои сиденья. Лилли подташнивало, и она старательно избегала физического контакта с Остином.

По дороге к трассе они проехали мимо Гринвиля – еще одного фермерского городка на шоссе 18, который был как две капли воды похож на Вудбери. Аккуратные правительственные здания из красного кирпича, белые крыши, величественные дома Викторианской эпохи, многие из которых считались историческими памятниками, – когда-то Гринвиль был административным центром округа. Теперь город был покинут, и в резком утреннем свете казалось, будто из него выкачали всю жизнь. Брезентовый кожух в задней части кузова колыхался на ветру, и взору Лилли представляли руины: заколоченные окна, упавшие колонны и перевернутые машины.

– Похоже, Гринвиль полностью обчистили, – мрачно заметил Дэвид Штерн, пока они оглядывали разрушения.

Многие окна были помечены предупреждающим знаком в виде заглавной буквы «М», заключенной в круг, что значило «МЕРТВЕЦЫ», что значило «Идите мимо», который красовался на огромном количестве зданий в этой части штата.

– Какой план, Дэйв? – спросил Остин, чистя ногти охотничьим ножом и тем самым невероятно раздражая Лилли. Она никак не могла понять, делал ли он это по привычке или исключительно напоказ.

Дэвид Штерн пожал плечами.

– Кажется, в следующем городе – по-моему, это Хогансвилль – есть продуктовый магазин. Мартинес считает, что там еще есть чем поживиться.

– Поживиться?

Дэвид снова пожал плечами.

– Кто знает... Сейчас все в процессе уничтожения.

– Ладно... Главное, чтобы нас самих не уничтожили в процессе. – Повернувшись, он легонько ткнул Лилли локтем под ребра. – Поняла, Лилли?

– Обхохочешься, – ответила она и снова выглянула на улицу.

Они проехали мимо знакомой дороги, отклонявшейся от главной двухполосной магистрали. В утреннем солнце блестел высокий знак, который было видно издалека. Логотип с желтым солнышком наклонился набок, а крупные синие буквы потрескались, выцвели и покрылись птичьим дерьмом:

УОЛМАРТ

Цены ниже. Жизнь лучше.

Вспомнив события прошлой осени, Лилли почувствовала, как по спине пробежал холодок. Именно в этом «Уолмарте» они с Джошем и еще несколькими знакомыми из Атланты впервые наткнулись на Мартинеса и его ребят. Нахлынули воспоминания. Лилли вспомнила, как они нашли пушки и продукты... Как столкнулись с Мартинесом... Как наставили друг на друга оружие... Как бесилась Меган... И как Мартинес сделал им предложение, а Джош долго раздумывал, стоит ли своими глазами увидеть, что такое Вудбери.

– А что не так с этим местом? – Остин махнул рукой в сторону заброшенного гипермаркета, когда они проехали мимо парковки.

– С ним все не так, – едва слышно пробормотала Лилли.

Она видела ходячих, бесцельно бродивших по парковке «Уолмарта», подобно выходцам с того света, перевернутые машины и разломанные продуктовые тележки, которые были так потрепаны непогодой и заржавлены, что теперь прямо в их нутре росли сорняки. Колонки заправочной станции почернели и оплавились в пожарах, которые полыхали здесь в феврале. Сам магазин напоминал древние развалины, заваленные битым стеклом и искореженным металлом, а у зияющих оконных проемов валялись пустые коробки и ящики.

– Отсюда давно забрали всю еду и другие товары, – посетовал Дэвид Штерн. – Все кому не лень совершили сюда набег.

Когда «Уолмарт» остался позади, Лилли заметила кусочек пахотной земли к северу от магазина. Ходячие – с такого расстояния малюсенькие и едва различимые, как букашки под скалой, – бродили по опавшей листве между мертвых побегов кукурузы.

С момента формирования стада прошедшей зимой активность ходячих заметно возросла. Количество живых мертвецов все множилось, они заполняли сельскую глубинку и одинокие фермы, которые раньше были заброшены и пустынные. Ходили слухи, что разношерстные группы ученых в Вашингтоне и подпольных лабораториях на Западе разрабатывали модели поведения и прогнозы увеличения популяции воскресших мертвецов, но все сведения были неутешительны. Плохие новости гуляли по стране, и теперь казалось, что их эхо долетело и до тускло освещенного кузова военного грузовика, где Лилли пыталась отогнать от себя тревожные мысли.

– Слушай, Барбара, – Лилли взглянула на седовласую женщину, которая сидела напротив. – Может, расскажешь еще раз ту историю?

Остин картинно закатил глаза.

– Боже, только не ее...

Лилли сердито глянула на парня.

– Помолчи. Давай, Барбара, расскажи о медовом месяце.

– О, пристрелите меня, – простонал Остин.

– Тсс! – цыкнула Лилли, а затем посмотрела на женщину и улыбнулась: – Начинай, Барбара.

Та ухмыльнулась мужу.

– Хочешь сам рассказать?

Дэвид приобнял жену.

– Да. Пожалуй, это первый раз, когда рассказывать буду я... – Он взглянул на Барбару с озорным блеском в глазах, и что-то промелькнуло между ними, отчего сердце Лилли пропустило удар. – Что ж... Сперва следует сказать, что все это произошло в доисторические времена, когда волосы мои были черны, а простата работала как часы.

Усмехнувшись, Барбара стукнула мужа по плечу.

– Может, ты сразу перейдешь к сути, а? Вряд ли кому-то здесь интересна твоя история болезни.

Грузовик подпрыгнул на железнодорожном переезде, встряхнув кузов. Дэвид удержался на своем ящике, глубоко вздохнул и ухмыльнулся.

– Суть в том, что мы были совсем детьми... Но любили друг друга без памяти.

– Да и сейчас любим почему-то... Одному богу известно, – добавила Барбара, подмигнув и многозначительно посмотрев на Дэвида.

Тот показал жене язык.

– Как бы то ни было... Однажды мы отправились в прекраснейшее место на земле – на Игуасу в Аргентине, – взяв с собой лишь немного одежды в рюкзаках и по сотне баксов на человека, переведенных в песо.

И снова вклинилась Барбара:

– Если мне не изменяет память, «Игуасу» означает «глотка дьявола». Это река, которая течет по Бразилии и Аргентине. Мы прочитали о ней в путеводителе и решили, что там может получиться первоклассное приключение.

– И вот, – вздохнул Дэвид, – мы добрались туда в воскресенье, а к вечеру понедельника уже прошли вдоль реки миль пять и оказались у невероятного водопада.

Барбара покачала головой.

– Пять миль? Ты смеешься? Мы прошли миль двадцать пять, не меньше!

– Она преувеличивает. – Дэвид подмигнул Лилли. – Поверьте, там было всего километров двадцать или тридцать.

Барбара демонстративно скрестила на груди руки.

– Дэвид! Сколько километров в миле?

Он вздохнул и покачал головой.

– Не знаю, милая, но уверен, что ты вот-вот просветишь нас.

– Примерно одна целая и шесть десятых... Так что тридцать километров – это примерно двадцать миль.

Дэвид укоризненно взглянул на жену.

– Можно мне рассказать историю? Ты позволишь?

Барбара недовольно отвернулась.

– А кто тебе не дает?

– Так вот, мы дошли до этого удивительного водопада. Поверьте, это прекраснейший водопад в мире. Ты стоишь в центре, а вокруг клоочет вода, куда ни повернись, на все триста шестьдесят градусов.

– И радуги! – воскликнула Барбара. – Повсюду. Это было нечто.

– И тут, – продолжил Дэвид, – вот эта милашка решила испытать судьбу.

– Я просто хотела его обнять, всего-то! – улыбнулась Барбара.

– И облапила меня, пока со всех сторон вокруг нас лилась вода...

– Я тебя не облапила!

– Да я даже вздохнуть не мог! И вдруг она говорит: «Дэвид, а где твой кошелек?» Я хлопнул себя по заднему карману и почувствовал, что он и правда пропал.

Барбара покачала головой, в тысячный раз переживая все заново.

– И моя поясная сумка оказалась пуста. Кто-то обокрал нас по дороге. Паспорта, права – все пропало. Мы застряли посреди Аргентины – тупые американцы, которые понятия не имели, как выбраться из этой западни.

Дэвид улыбнулся, воскрешая момент в своей памяти и разглядывая его со всех сторон, как фамильную драгоценность. Лилли показалось, что все это было очень важно для Штернов: неуловимые, эти воспоминания обладали такой же силой, как приливы и отливы или гравитационное поле Луны.

– Мы вернулись в ближайшую деревню и сделали несколько звонков, – продолжил Дэвид, – но до посольства были сотни миль, а от местных полицейских не было никакого толку.

– Нам сказали ждать, пока нам выправят новые документы в Буэнос-Айресе.

– А до него было миль восемьсот.

– Километров, Барбара. До него было восемьсот километров.

– Не начинай, Дэвид.

– Главное, что в карманах у нас осталось лишь несколько сентаво – сколько это, Барбара? Доллар пятьдесят? Мы добрались до малюсенькой деревушки и уговорили местного парня пустить нас на ночлег, устроившись на полу у него в сарае за пятьдесят сентаво.

Барбара мечтательно улыбнулась:

– Не отель «Ритц», конечно, но нам было достаточно.

Дэвид усмехнулся в ответ на ее слова.

– Оказалось, что этот парень владел небольшим ресторанчиком в городе. Он позволил нам работать там, пока мы ждали новых паспортов. Барбара стала официанткой, а я пошел на кухню, где нарезал чоризо⁷ и готовил менудо⁸ для местных.

– Забавно, что это время оказалось едва ли не лучшим в нашей жизни, – задумчиво вздохнула Барбара. – Мы очутились в другом мире и полагаться могли только друг на друга, но это было... это было прекрасно.

Она посмотрела на мужа, и ее уже немолодое, испещренное морщинами лицо впервые смягчилось. На нем появилось – всего на мгновение – какое-то выражение, которое перечеркнуло все годы, обратило время вспять и снова превратило ее в юную девушку, влюбленную в хорошего человека.

– Вообще-то, – негромко сказала она, – это было просто потрясающе.

Дэвид взглянул на жену.

– Мы застряли там на сколько? Сколько мы там сидели, Барбара?

– Мы сидели там два с половиной месяца в ожидании весточки из посольства. Спали вместе с козами и питались одним этим проклятым менудо.

– О, вот это было время... – Дэвид приобнял жену и легким поцелуем коснулся ее виска. – Я бы ни на что его не променял.

Грузовик подпрыгивал на ухабах, а в кузове воцарилась тишина, которая тяжким грузом легла на плечи Лилли. Она думала, что рассказ развеет ее грусть, отвлечет ее, утешит, может, даже уймёт ее мрачные мысли. Но он только разбередил ее израненное сердце, заставив Лилли почувствовать себя маленькой, одинокой и незначительной.

Головокружение нарастало, девушка едва сдерживала плач по Джошу, по Меган, по самой себе, по всему этому кошмару, который перевернул мир с ног на голову.

Но в итоге Остин нарушил молчание, в замешательстве подняв бровь:

– А что это за штука такая, менудо?

⁷ Острая колбаса, популярная в латиноамериканских странах.

⁸ Традиционный мексиканский суп.

Грузовик перемахнул через несколько железнодорожных переездов и въехал в Хогансвилль с запада. Обеими руками держа руль, Мартинес внимательно оглядывал пустынные улицы и витрины магазинов сквозь ветровое стекло.

После массового бегства эта деревушка заросла луговыми травами. Окна домов были наглухо заколочены, а улицы замусорены брошенными вещами: повсюду валялись заплесневелые матрасы, вытащенные из комодов ящики и грязная одежда. Несколько одиноких ходячих, потрепанных, как огородные пугала, бесцельно бродили по переулкам и пустым парковкам.

Мартинес притормозил и теперь ехал со скоростью около двадцати миль в час. Увидев уличный указатель, он сверился с вырванной из старой телефонной книги страницей, прилепленной скотчем к приборной панели. Хогансвилльский супермаркет «Пиггли Уиггли», похоже, находился в западной части города, примерно в полумиле от них. Хруст битого стекла под колесами грузовика привлекал внимание ходячих.

Сидящий на пассажирском сиденье Гас зарядил свою двустволку.

– Я разберусь, шеф, – сказал он, опуская стекло.

– Стой, Гас! – Мартинес потянулся к брезентовой сумке, зажатой между сиденьями, нашел в ней короткоствольный «магнум» 357-го калибра с глушителем и передал его дородному соседу. – Стреляй из револьвера. Не хочу, чтобы на шум сбежалось еще больше тварей.

Отложив двустволку, Гас взял револьвер, откинул барабан, проверил патроны и с щелчком поставил его на место.

– Разумно.

Прицелившись из окна, лысый толстяк уложил три трупа с такой легкостью, словно он стрелял по мишеням в ярмарочном тире. Выстрелы, смягченные глушителем, раздались сухими щелчками. Ходячие один за другим попадали. Макушки их черепов взорвались снопом черных брызг, а тела ударились о тротуар с приятным чавкающим звуком. Мартинес держал курс на запад.

На перекрестке, заблокированном тремя столкнувшимися автомобилями, он повернул, миновав выгоревшие куски стекла и металла, сплавившиеся в единое целое. Грузовик заехал на тротуар, и Гас уложил еще двух ходячих в истлевшей униформе фельдшеров «Скорой помощи». Дальше Мартинес поехал по боковой улице.

Когда мимо проплыл заколоченный торговый центр, на южной стороне дороги показался указатель «Пиггли Уиггли». По пустынной парковке супермаркета бродило около полудюжины ходячих. Гас с легкостью положил конец их мытарствам, сделав паузу на перезарядку, и грузовик медленно вкатился на стоянку.

Один из ходячих повалился на стенку кузова. Брызнула маслянистая кровь, после чего тело скатилось под колеса автомобиля.

– Черт! – выругался Мартинес и подъехал ко входу в магазин.

Сквозь забрызганное кровью ветровое стекло он видел зону бедствия, где когда-то был «Пиггли Уиггли». Тротуарная плитка у фасада магазина была изломана, повсюду валялись перевернутые цветочные клумбы, окна были разбиты и зияли черными дырами, длинные ряды продуктовых тележек либо опрокинулись набок, либо оказались искорежены упавшими на них балками. Внутри темного супермаркета виднелись разграбленные отделы с пустыми полками. Полуоторванные крючки медленно покачивались на ветру.

– Черт! Черт! Черт! Черт-черт-черт!

Мартинес потер щеку и откинулся на спинку сиденья.

Гас взглянул на него.

– Что теперь, шеф?

Брезентовый задник распахнулся, в кузов хлынул поток резкого дневного света, от яркости которого Лилли моргнула и прищурилась.

Поднявшись на ноги, она взглянула на Мартинеса, который с суровым выражением лица стоял на парковке возле грузовика и придерживал задник. Рядом с ним Гас нервно потирал руки.

– У меня есть хорошая новость и плохая, – буркнул Мартинес.

Штерны встали, Остин тоже медленно поднялся и принялся потягиваться, как сонный кот.

– Магазин полностью разнесли, ничего не осталось, – объявил Мартинес. – Мы в дерьме.

Лилли посмотрела на него.

– А хорошая новость?

– За магазином склад. Окон нет, закрыт наглухо. Похоже, туда люди не совались. Может, там золотая жила.

– Так чего мы ждем?

Мартинес взглянул на Лилли.

– Не знаю, безопасно ли там. Надо, чтобы все были во всеоружии. Зевать нельзя. Стоит захватить с собой все фонарики... Темень там, похоже, та еще.

Все потянулись за своим оружием и снаряжением. Лилли пошарила в рюкзаке, достала свои пушки – полуавтоматические пистолеты «руге» 22-ругекалибра – и проверила магазины. У нее было два рожка, по двадцать пять патронов в каждом. Боб научил ее пользоваться большими магазинами: оружие из-за них становилось немного громоздким, но зато они давали преимущество, если ситуация начинала выходить из-под контроля.

– Остин, возьми сумки, – сказал Мартинес, кивнув в сторону стопки брезентовых мешков, сложенных в углу. – Держи их наготове.

Остин тут же подскочил к сумкам, схватил их и перекинул через плечо. Остальные проверили запасы патронов и прикрепили оружие к поясам и ремням, чтобы при необходимости с легкостью выхватить его. Барбара засунула армейский кольт 45-ругекалибра за кушак, плотно обхватывающий ее талию, пока Дэвид держал два ее запасных магазина.

Они работали с практичной сдержанностью матерых грабителей банков. Это было им не впервой. И все же, когда Мартинес в последний раз заглянул в тускло освещенный кузов, там чувствовалось некоторое напряжение.

– Я сейчас подам немного вперед, – сказал он. – Готовьтесь к свистопляске. Оглядайтесь время от времени: кусачие уже стекаются на шум мотора.

Все друг за другом кивнули в ответ на эти слова, и Мартинес испарился.

Лилли подошла к задней части кузова и оперлась о стенку, как только услышала стук закрывающихся дверей кабины и рев двигателя. Грузовик тронулся с места и поехал вдоль супермаркета.

Через сорок пять секунд послышался свист тормозов, и автомобиль, дернувшись, замер.

Лилли глубоко вздохнула, вытащила один из «руг еров», откинула брезентовый задник и выпрыгнула из кузова, тяжело приземлившись на растрескавшийся тротуар.

Солнце ослепило ее, ветер ударил в лицо, завоняло паленой резиной, видимо, сгоревшей в результате какого-то катаклизма. Мартинес уже вылез из кабины, прикрепив на бедро свой «магнум» с глушителем. Быстро обогнув капот грузовика, Гас забрался на водительское место и устроился за баранкой.

Склад был справа от них, на краю задней парковки. Гигантский, размером с три кино-театра ангар из гофрированных листов железа высился среди буйных трав и осоки. На верхней площадке невысокой лестницы Лилли заметила железную дверь без опознавательных

знаков рядом с погрузочной площадкой, а под навесом – огромные раздвижные гаражные двери. Все казалось мертвым, потрепанным временем, заржавленным и навеки закрытым. Все стены были исписаны граффити.

Оглянувшись, она увидела в сотне ярдов группу ходячих, сгрудившихся у разбитого знака «Пиггли Уиггли», которые медленно поворачивались на звук двигателя и делали первые неуверенные шаги к грузовику.

Остин подошел к Лилли со спины.

– Поехали, поехали, – бормотал он, придерживая брезентовые сумки. – Пока мы целы и невредимы!

Вслед за Остином показались Дэвид и Барбара. Они молчали, внимательно смотря по сторонам. Мартинес махнул Асу, указав на погрузочную площадку.

– Сдавай задом, Гас. Держи рацию под рукой и не своди глаз с этих тварей.

– Вас понял.

Гас завел двигатель и включил задний ход.

– Мы выйдем к погрузочной площадке, – сообщил ему Мартинес. – Не глуши мотор и будь готов без промедления надавить на газ.

– Понял!

Затем все стало происходить очень быстро и с очень большой эффективностью: Гас завел грузовик на площадку, пока все остальные быстро и бесшумно вскарабкались на лестницу, ведущую к железной двери, двигаясь при этом с холодным спокойствием спецназовцев. Мартинес добрался до верхней площадки, снял с ремня длинную металлическую накладку и начал ковыряться в замке, вгоняя в него накладку ударами рукоятки «магн ума». Остальные сгруппировались позади него, то и дело оглядываясь на ковыляющих к ним мертвецов.

Как только замок щелкнул, Мартинес открыл дверь. Раздался скрип петель.

Все ступили в темноту. Внутри ангара стояла невероятная вонь: разило гнилым мясом, аммиаком и испражнениями. Дверь резко хлопнула, и все подпрыгнули. Света из единственного окна в крыше, расположенного над затянутыми паутиной стеллажами, едва хватало на то, чтобы очертить силуэты проходов и перевернутых вилочных погрузчиков, брошенных между полками.

Каждый из группы, включая Лилли, улыбнулся, когда глаза привыкли к темноте и разглядели ряды консервных банок и упаковки продуктов, заполнявшие стеллажи. Склад и правда оказался золотой жилой – надежды Мартинеса оправдались. Но радость была недолгой: вскоре все различили во тьме характерные звуки, рождавшиеся в глубине ангара как будто в ответ на появление людей. Улыбки увяли одна за другой...

...когда первые жуткие фигуры вышли из-за уставленных товарами полок.

Глава четвертая

По сигналу Мартинеса началась стрельба. Защелкали глушители, вылетающие из стволов искры озарили темный ангар. Лилли сделала три быстрых выстрела и поразила две цели футах в пятидесяти от них. Один из упавших, жирный синюшный мужик в грязной рабочей одежде, наткнулся на стеллаж с консервированными помидорами, и из его головы полилась мозговая жидкость. Другой кусачий – молодой парень в заляпанном комбинезоне, возможно, бывший оператор погрузчика – повалился на пол, залившись кровью, хлеставшей из свежей дыры в его черепе.

Мертвецы продолжали наступать из всех углов склада, их было не меньше двух дюжин.

Склад то и дело освещался вспышками выстрелов. Все по-прежнему стояли возле двери и расстреливали противника. Остин бросил сумки на пол и стрелял из «глотка-19», который тоже раздобыли на базе Национальной гвардии. Тонкий красный луч из прикрепленного к стволу глушителя прорезал тьму. Дэвид повалил женщину в потрепанной форме «Пиггли Уиггли», и та упала на стойку с черствыми бубликами. Барбара зацепила пожилого мужчину в забрызганной кровью рубашке, с зажимом на галстук и беджем – может, бывшего управляющего магазином, – который осел на пол в облаке красных брызг, щедро окропивших полки.

Сумасшедшее эхо приглушенных выстрелов, как волна безумных аплодисментов, сопровождалось фейерверками, взрывававшимися в зловонной темноте, и лязгом пуль и гильз, ударявшихся о пол. Мартинес двинулся вперед, заводя группу глубже в ангар. Они миновали один перпендикулярный проход за другим, стреляя вковылявшие в их сторону фигуры с молочно-белыми глазами – бывших машинистов, складских служащих, помощников менеджера, кассиров, – и те один за другим падали, заливаясь кровью. К тому моменту, как был сражен последний ходячий, группа Мартинеса потеряла им счет.

В повисшей тишине Лилли услышала металлический голос Гаса, раздававшийся из рации Мартинеса:

– ...что, у вас там настоящий ад? Вы меня слышите? Шеф? Прием! Что происходит?

В конце главного прохода Мартинес остановился, чтобы перевести дыхание, и сорвал рацию со своего ремня.

– Все в порядке, Гас, – сказал он в микрофон. – Нас тут встретили вечеринкой-сюрпризом... Но теперь все чисто.

– Чуть до инфаркта меня не довели, – прозвучало в ответ.

Мартинес надавил на кнопку рации:

– Черт возьми, видимо, когда началась эта заваруха, все работники спрятались на складе. – Он огляделся по сторонам: повсюду валялись тела, клубился синий дым, пахло кордитом – и снова нажал на кнопку. – Будь на низком старте, Гас. Похоже, мы весь кузов завалим провизией.

– Отличные новости, шеф, – раздалось из динамика. – Понял. Подготовлюсь.

Мартинес отключился, снова прицепил рацию к ремню и повернулся к остальным.

– Все в порядке?

В ушах у Лилли звенело, но она чувствовала себя уверенно.

– Все хорошо, – ответила она, поставив оба «руг ера» на предохранитель и отсоединив отстрелянные магазины, которые звякнули, ударившись о пол. Затем она достала новые магазины из-за ремня, зарядила пистолеты и проверила проходы по обе стороны от себя: повсюду в лужах черной крови лежали останки ходячих. Лилли ничего не чувствовала.

– Смотрите в оба, может, кто-то отбил, – распорядился Мартинес, оглядывая темные проходы.

– Чертова штукавина! – воскликнул Дэвид Штерн, тряся фонариком. Руки его дрожали. – Только вчера проверял батарейку!

Барбара закатила глаза.

– Во всем, что касается техники, он просто безнадёжен. – Она забрала у мужа фонарик. – По-моему, батарейки какие-то подозрительные.

Она быстро заменила их, но это не помогло: фонарик не включался.

– Погодите-ка, – сказал Остин, засовывая свой «галок» за ремень. – Есть идея.

Он подошел к полке, где были сложены вязанки дров, мешки с угольными брикетами, жестянки с топливом и пакеты с щепками, подобрал полено подлиннее, вытащил из кармана бандану и обернул ею один конец деревянной чурки.

Лилли с интересом наблюдала за ним. Она никак не могла разгадать этого парня. Почему-то он казался старше своих лет. Она наблюдала, как Остин пропитал ткань горючим, как поднес к банане зажигалку и как ткань вспыхнула ярким оранжевым пламенем, мгновенно озарив своим сиянием центральный проход.

– Неплохо, – с ухмылкой заметила Лилли. – Ты молодец, Гильберт.

Они разделились на две группы. Мартинес со Тернами взяли на себя переднюю часть здания – лабиринт полок, уставленных запакованными и сухими продуктами, товарами для дома, приправами и кухонными принадлежностями, – а Лилли с Остином отправились в заднюю часть. Мартинес дал всем указание двигаться быстро, не задерживаться на одном месте и не брать ничего хоть сколько-нибудь сомнительного, отдавая предпочтение продуктам, у которых еще не закончился срок годности.

Остин повел Лилли по боковому коридору, вдоль которого выстроились опустевшие офисы. Они проходили одну закрытую дверь за другой и за каждой видели лишь темную пустоту. Остин немного опережал Лилли, держа в одной руке высоко поднятый факел, а в другой – свой «галок». Лилли не опускала пистолеты, готовая стрелять при первой необходимости.

В мерцающем желтом свете они прошли мимо выстроенных в ряд баллонов с пропаном, садовых принадлежностей, мешков с удобрениями, вязанок дров, катушек с садовыми шлангами и бесполезной ерунды вроде кормушек для птиц и садовых гномов. По шее Лилли пробежали мурашки, когда она различила в темноте позади себя отзвуки шепота и шаркающие шаги Штернов и Мартинеса.

В конце главного прохода у задней стены они свернули в сторону и обнаружили большой гидравлический погрузчик, зажатый среди грабель, лопат и других инструментов. Остин вытолкнул его в проход – это оказалась ручная тележка с тяжелыми железными колесами и вилкой, которая раскрывалась как минимум футов на восемь, – и проверил состояние машины, подняв огромный ручной домкрат.

– Эта штука может нам пригодиться, – рассудил он.

– Подними-ка на секундочку факел. – Лилли махнула рукой в сторону теней на задней стене.

Когда Остин поднял факел, в неровном свете пламени показалась стопка пустых плат.

Быстро подогнав к ним погрузчик, они засунули вилку под ближайшую из плат и направились обратно в центральный проход. Колеса громко скрипели о грязный цементный пол. Лилли с Остином стали нагружать плету: Остин освещал полки факелом, а Лилли складывала все необходимое. Они взяли пяти десятилитровые канистры с питьевой водой, коробки с семенами, острые инструменты, несколько катушек шлангов. Еще раз повернув, они оказались в проходе с консервами. Лилли принялась работать засучив рукава и грузила на плету жестянки с персиками, кукурузой, фасолью, капустой, сардинами, тунцом и ветчиной.

– Да мы станем героями, когда вернемся со всем этим дерьмом, – пробурчал Остин, толкая погрузчик по проходу.

– Ага, может, тебе наконец-то перепадет, – сострила Лилли, со вздохом грузя тяжелые банки.

– Можно задать тебе вопрос?

– Что?

– Почему ты обо мне такого мнения?

Лилли продолжала работать, засунув пистолеты за ремень.

– Понятия не имею, о чем ты говоришь.

– Да ладно тебе, Лилли... Я сразу заметил, как только с тобой познакомился... Ты явно на что-то обижена.

Они дошли до конца прохода с консервами. Водрузив на плету очередной ящик с жестянками, Лилли проворчала:

– Может, просто закончим здесь и смотаемся поскорее?

– Я всего лишь поддерживаю разговор, – ответил Остин, натужно толкая тележку в конец прохода.

Они зашли в следующий проход, забитый ящиками с гнилыми фруктами, и немного помедлили. Остин поднял факел и осветил почерневшие, сморщенные персики и бананы в кишках червяками коробках. Фрукты превратились в черное месиво.

Лилли вытерла пот с лица и сказала низким и хриплым голосом:

– Правда в том, что я потеряла кое-кого из очень близких людей.

Остин не отрывал взгляда от гнилых фруктов.

– Слушай... Прости, что я заговорил об этом... Прости. – Он принялся толкать погрузчик дальше. – Ты не должна...

– Стой!

Лилли схватила его, не дав парню сделать больше ни шага. До девушки донесся слабый металлический стук, который заставил ее содрогнуться, и она прошептала:

– Посвети-ка туда.

В неровном свете они разглядели в левой части прохода несколько дверей в морозильные камеры. Воняло проржавевшим металлом. Лилли вытащила пистолеты. Последняя дверь слева время от времени подрагивала и поскрипывала, ржавые петли ходили ходуном.

– Стой позади меня и подними факел, – прошептала Лилли, взвела курки на обоих «ругерах» и на цыпочках двинулась к последней двери слева.

– Ходячий? – Остин взял «галок» и последовал за ней.

– Заткнись и не опускай факел.

Лилли миновала скрипучую дверь, сделала паузу и встала спиной к морозилке.

– На счет три, – прошептала она. – Ты готов?

– Готов.

Лилли взялась за щеколду.

– Раз, два, три!

Она дернула дверь морозилки и вскинула оба ствола, чувствуя, как замерло сердце. Внутри было пусто – лишь темнота и жуткий смрад.

Вонь окатила Лилли, и глаза девушки заслезились, заставив ее отступить от двери и опустить оружие. В морозилку потекла черная маслянистая гниль. Услышав шум, Лилли посмотрела вниз и заметила, как возле ее ног пробежало что-то маленькое и пушистое. Она перевела дух, поняв, что дверь скрипела из-за какой-то несчастной крысы.

– Твою ж мать, – едва слышно пробормотал Остин, опустив «галок» и облегченно вздохнув.

– Ладно, – сказала Лилли, засунув пистолеты за ремень. – Мы набрали достаточно. Давай вернемся, переложим все в грузовик и свалим отсюда.

– Я не против, – ответил Остин, с улыбкой толкая тележку погрузчика назад, к главному проходу, и следуя за Лилли ко входу на склад. За его спиной из морозильника выступила высокая фигура.

Остин первым услышал шаги, успел развернуться и заметить крупного мужчину в комбинезоне. Лицо его было искажено, челюсти клацали, молочно-белые глаза смотрели в одну точку. Кусачий был ростом более шести футов. Все его тело покрывал слой белой плесени от долгого заточения в морозильнике.

Отпрыгнув от ходячего и потянувшись за «глотком», Остин наткнулся на угол погрузчика и упал. Пистолет выскользнул у него из руки, факел покатился по цементному полу. Огромный кусачий навис над парнем, закапав его черной желчью. Пламя теперь освещало атакующего под ирреальным углом. Огонь плясал в блестящих белых глазах мертвеца.

Остин попытался откатиться в сторону, но кусачий ухватил его за штанину своими гигантскими пальцами. Парень взревел от злости и пнул противника, осыпав его проклятьями. Мертвец открыл рот, и Остин угодил каблуком ботинка прямо в черные, острые, как у акулы, зубы.

Нижняя челюсть сломалась, но это не остановило атакующего.

Ходячий попытался ухватить кусок плоти с бедра Остина. Тварь весила, должно быть, целую тонну – парню казалось, что на него уронили как минимум дом, – но как раз в тот момент, когда она уже готова была прокусить бедренную артерию Остина, раздались щелчки двух «руг еров» руге калибра с глушителями.

Прошло всего несколько секунд с момента появления мертвеца, но Лилли их оказалось достаточно, чтобы услышать шум, остановиться, развернуться, взвести курки, поднять оружие, точно прицелиться и вступить в схватку. Она поразила кусачего наповал, попав ему между глаз, как раз над переносицей.

Огромный труп дернулся назад в облаке кровавого тумана, в темноте похожего на дым. Верхняя часть его черепа раскололась, оттуда хлестала кровь.

Мертвец грудой свалился к ногам Остина, и парень спешно пополз от него прочь по холодному цементу, ошалело глотая воздух.

– Черт! Вот черт! ЧЕРТ!

– Ты в порядке? – Лилли подошла ближе, опустилась на колени и осмотрела ноги Остина. – Ты в норме?

– Я... Да, все хорошо, все хорошо, – лихорадочно бормотал он, пытаясь восстановить дыхание и рассматривая огромного мертвеца, валявшегося совсем рядом.

– Так, давай-ка...

– ЙОТУ!

Голос Мартинеса, донесшийся из передней части ангара, оглушил Лилли, в ушах у которой и так все еще стоял звон.

– Лилли! Остин! Вы там в порядке?

– Все хорошо! – крикнула Лилли через плечо.

– Хватайте продукты и давайте к нам! – в голосе Мартинеса слышалось беспокойство. – На шум стекается все больше ходячих! Пора убираться!

– Вставай, красавчик, – бросила Лилли Остину, помогая ему подняться.

Встав на ноги, Остин поднял факел, пока не вспыхнул пожар, и вместе с Лилли продолжил толкать тележку погрузчика. Теперь она была очень тяжелой, и в одиночку Остин уже не справлялся. Пыхтя и отдуваясь, они покатали плету по проходу.

Все встретились возле погрузочной площадки. Штерны с Мартинесом заполнили брезентовые сумки и полдюжины больших картонных коробок кучей упакованных продуктов, включая лапшу быстрого приготовления, быстрорастворимый кофе, двухлитровые бутылки с соком, пачки муки, риса и макарон, несколько фунтов сахара, галлонные банки с маринованными овощами, упаковки кулинарного жира, сухих макарон с сыром и другими добавками и сигареты. Связавшись по рации с Гасом, Мартинес сказал ему подогнать грузовик как можно ближе к погрузочной площадке и приготовиться к отъезду, когда поднимется гаражная дверь. Дыхание Остина еще не восстановилось после атаки, а руки парня дрожали, пока он толкал тележку к выходу из ангара.

– Дай-ка мне тот молоток, что ты нашел, – сказал Мартинес Дэвиду.

Сделав шаг вперед, тот передал молоток. Остальные сгрудились около двери, беспокойно наблюдая за тем, как Мартинес стучал молотком по замку, прикрепленному в нижней части гаражной двери. Он никак не поддавался, удары эхом разносились по ангару. Услышав тихие шаркающие звуки в темноте позади себя, Лилли оглянулась.

Замок наконец-то упал, Мартинес дернул дверь, и она поднялась с ржавым скрипом. Внутри склада хлынул поток света, ветер принес запах дегтя и горелой резины. Все зажмурились. По полу зашуршали брошенные обертки, подгоняемые весенним бризом.

В первую минуту, когда группа вышла наружу, никто не заметил на другой стороне погрузочной площадки, рядом с мусорным баком, стопку заплесневелых коробок, которая слегка подрагивала, как будто бы что-то двигалось под ней. Все были слишком заняты переноской продуктов, следуя за Мартинесом по мрачной погрузочной площадке.

Грузовик ревел, выхлопная труба подрагивала, в весенний воздух вылетали облачка газов. Гас предусмотрительно откинул задник, и группа тотчас принялась грузить продукты в кузов.

Внутри засунули тяжелые брезентовые сумки и ящики, а затем – содержимое полеты: консервные банки, канистры с водой, садовые принадлежности, инструменты, баллоны с пропаном. Никто даже не заметил в противоположном конце погрузочной площадки ходячего мертвеца, который вылез из мусорной кучи и неуверенно поднялся на ноги, с трудом балансируя, подобно младенцу-переростку. Заметив движение краешком глаза, Лилли повернулась к кусачему.

Мертвец – жилистый негр лет тридцати, голову которого покрывали короткие косички, – неуклюже ковылял в их направлении, как пьяный мим, качающийся на воображаемом ветру в попытке ухватиться за воздух. На нем был грязный оранжевый комбинезон, который показался Лилли знакомым, хотя она и не могла понять откуда.

– Я разберусь, – сказала девушка, ни к кому конкретно не обращаясь, и достала один из «руг еров».

Остальные заметили переполох и замерли, вытащив оружие и наблюдая за тем, как Лилли стояла как вкопанная и целилась в приближавшегося мертвеца. Прошла пара секунд. Лилли замерла, подобно статуе. На глазах у всей группы она наконец спокойно, практически апатично, спустила курок и выстрелила шесть раз подряд, опустошив магазин.

Раздались щелчки, последовало несколько вспышек. Молодой темнокожий мертвец задергался, из сквозных ранений брызнула кровь. Пули прошли сквозь твердую черепную коробку, разметав косички и заставив лобную долю взорваться кусочками плоти и брызгами мозговой жидкости. Закончив, Лилли без эмоций взглянула на труп.

Согнувшись пополам, ходячий обрушился на площадку в кровавом тумане.

Стоя в синем пороховом дыму от собственных выстрелов, Лилли пробормотала что-то себе под нос. Никто не расслышал ее слов. Остальные долго смотрели на нее, пока Остин наконец не подошел к девушке и не сказал:

– Молодец, Эриннии Пукли⁹.

Затем вступил Мартинес:

– Так, ребята... Давайте поторапливаться, пока к нам не пришло больше тварей!

Они забрались в кузов. Лилли залезла последней, с трудом найдя место в загруженном автомобиле. Устроившись на баллоне с пропаном, она взялась за поручень, чтобы не упасть, когда машина тронется с места, после чего двери кабины хлопнули, двигатель взревел, и грузовик стал стремительно удаляться от склада.

И в этот момент Лилли вспомнила – почему-то понимание пришло к ней в тот момент, когда машина уже тронулась, – где видела оранжевый комбинезон наподобие того, в который был одет ходячий. Это была тюремная роба.

Они пересекли парковку и выехали на дорогу. Ангар остался далеко позади, и лишь тогда Барбара Штерн наконец-то нарушила тишину:

– Неплохо сегодня поработала наша кучка эмоциональных калек.

Дэвид Штерн захихикал, и друг за другом его поддерживали все, включая Лилли, которая засмеялась, чувствуя безумное, головокружительное облегчение и удовлетворение.

К тому моменту, когда они выехали на шоссе, каждый из пассажиров темного, вонючего кузова уже пребывал в приподнятом настроении.

– Только представьте, как обрадуются ребятки Двери, когда увидят, сколько мы привезли виноградного сока! – Седовласая Барбара Штерн в потертой джинсовой куртке просто кипела энтузиазмом. – Мне казалось, они готовы были поднять бунт, когда на прошлой неделе закончился весь «Ул-эй»¹⁰.

– А быстрорастворимый кофе «Стар бакса»? – вставил Дэвид. – Жду не дожусь, когда уже смогу выкинуть старую кофейную гущу в компостную яму.

– Мы чего только не везем, так ведь? – подал голос Остин со своего места на ящике напротив Лилли. – Сахар, кофе, никотин – даже кексы «Колли Мадисон». Дети будут целый месяц купаться в сладостях!

Впервые с их знакомства Лилли улыбнулась этому парню. Остин подмигнул ей в ответ. Его длинные кудри развевались на ветру, который врвался в кузов сквозь прорехи в хлопавшем заднике.

Выглянув назад, Лилли увидела, как уносилась вдаль пустынная деревенская дорога, а лучи дневного солнца пронизывали кроны деревьев, высившихся в отдалении. На мгновение ей показалось, что у Вудбери все же был шанс. Собрав достаточно людей такого сорта, как сидели в кузове, – людей, которые заботились друг о друге, – они действительно могли построить новое общество.

– Сегодня ты молодец, красавчик, – наконец сказала Лилли Остину и посмотрела на остальных. – Вы все молодцы. Честно говоря, если бы мы могли просто...

Ее прервал едва слышный звук с улицы. Сперва все решили, что это просто ветер бьется о стенки кузова, но чем дольше Лилли прислушивалась, тем больше убеждалась в том, что это едва ли не инопланетный звук из другого времени и из другого места, звук, которого она не слышала – да и *никто* не слышал – с момента начала эпидемии.

– Вы слышите?

Лилли оглядела остальных: теперь каждый внимательно прислушивался. Звук то нарастал, то затихал. Создавалось впечатление, что он шел с неба и сотрясал воздух, как барабанная дробь.

– Похоже на... Нет. Этого быть не может.

⁹ Американская женщина-стрелок, метко стрелявшая на представлениях Буффало Билла.

¹⁰ Освежающий фруктовый напиток.

– Что за черт? – Остин подскочил к заднику и высунул голову наружу, изогнувшись, чтобы разглядеть небо. – Да вы издеваетесь!

Присоединившись к нему, Лилли оперлась о стенку кузова и высунулась из машины.

Ветер разметал ее волосы и засушил ей глаза. Девушка уставилась в небо и заметила кое-что к западу от них – сомнений не оставалось.

Над деревьями виднелся только хвост. Винт вращался с безумной скоростью, само тело вертолета накренилось вперед – он падал, как темная комета, постепенно скрываясь из виду. Позади него тонкой струйкой поднимался черный дым.

Грузовик притормозил. Мартинес с Гасом явно увидели вертолет из кабины.

– Думаете, он... – начала было Лилли, но так и не закончила свой вопрос.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.